

1968 • 5

работница

До заката, солнышко! Фото нашего читателя В. СУХОДОЛЬСКОГО.

1 июня — Международный день защиты детей

ЧТОБ СЧАСТЛИВЫ

Когда мы говорим о детях, у нас светлеют лица. Словно озаряются изнутри. Дети — наша надежда, продолжение начатого и воплощение несбывшегося. Дети — утверждение лучшего в нас и отрицание того, от чего мы уже не в силах избавиться. Дети — это мудрость мира.

Мы живем на земле, над которой летают и пассажирские лайнеры и реактивные бомбардировщики. Мы живем на земле, на которой плохо спится по ночам. В мире хватает лиха, от которого мы обязаны защитить детей. И первопричина этого лиха — империализм, несущий миру войны, нищету, бесправие.

Мы знаем, что есть страны, где дети голодают, не имеют возможности учиться, где статистика детской смертности превышает все мыслимые пределы. В Чили умирает, не дожив до года, 117 детей из каждой тысячи родившихся. В странах Среднего Востока погибает от недоедания третья часть детей до пяти лет.

Мы знаем, что и сегодня, когда мы трудимся, спорим, смеемся, детей убивают при бомбежках, обстрелах, облавах, с жестокой методичностью. Так, как это происходит во Вьетнаме, в Иордании, в негритянских кварталах американских городов.

На рубеже нашего века, анализируя условия жизни трудящихся царской России, Ленин писал:

«...взгляните на те промыслы, в которых рабочие еще не добились защиты закона... и вы увидите... надрывающихся за работой детей с 5—6 летнего возраста...»

С тех пор прошло почти семь десятилетий. Но то, что давно стало невозможностью в Советской стране, для такой высокоразвитой страны, как, например, Италия, — суровая реальность. И хотя официально там детский труд запрещен, малолетние итальянцы трудятся на стройках, фабриках, рудниках, на плантациях помещиков. Детям платят гроши, и прибыль с избытком перекрывает штрафы, которые государство налагает на хозяина за использование труда детей от 6 до 14 лет.

В некоторых странах — в Греции, ФРГ, Перу — имеются даже случаи продажи детей. У живого товара есть рыночная цена: в Перу, скажем, восьмилетний ребенок стоит совсем дешево — около десяти долларов.

Мы должны защитить детей от болезней, от голода, от раннего непосильного труда. Никто, кроме нас, взрослых — отцов и матерей, — не защитит и душу ребенка.

Недавно газета «Дейли мейл» опубликовала ответы английских детей на вопрос: «Что ты думаешь о войне и мире?». Одиннадцатилетний мальчик сказал: «На войне бывают миллионы уби-

Их глаза

Мои путешествия по дорогам пяти континентов носили самый различный характер, но всегда и повсюду меня больше всего интересовал человек, его образ жизни. Именно сам человек — радости, горести и переживания, которые выражают его лицо, его глаза. И я убедился, что человеческие чувства правдивей и непосредственней всего выражают дети. Взрослый умеет скрыть от посторонних глаз свои чувства, а лицо ребенка — истинное зеркало души.

Не забуду двух маленьких боливиек. Неподалеку от горной дороги они присматривали за отарой овец. Я увидел их из машины, резко затормозил и вышел. Две девочки — одна четырех лет, другая пяти — застыли от страха перед наведенным на них объективом. С каждым щелчком моего фотоаппарата глаза девочек раскрывались все шире, а их фигурки оставались неподвижными. Когда я тихо и мягко начал с ними говорить, страх перешел в удивление, и старшая, набравшись смелости, ответила на все мои вопросы. Через несколько минут мы были уже друзьями.

Во время своих странствий я сделал около четырех тысяч детских снимков. Из них можно было бы составить целую книгу о детях разных стран мира. О детских судьбах, о детских радостях и горестях, о счастье и несчастье материнства и отцовства.

Поль АЛЬМАЗИ,
французский фотокорреспондент

Маленькие пастушки (Боливия).

БЫЛИ ДЕТИ

Владимир ПРИХОДЬКО

тых. И это здорово интересно, если ты тот, кто убивает. Они лежат все в крови и с отрубленными головами. И это очень приятно — смотреть на трупы, лежащие на земле».

Кем вырастет этот маленький англичанин! Вырвет ли он из своей души ростки, посеянные пропагандой ненависти, войны, садизма, насилия, жестокости! Или станет тем, кто убивает!

В Декларации прав ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН, торжественно провозглашаются принципы, относящиеся ко всем детям мира без различия рас или цвета кожи: в равной степени они должны нормально развиваться, получать образование, расти в атмосфере любви и понимания, быть защищенными от эксплуатации, воспитываться в духе уважения человека...

Поднимая свой голос в защиту детей, требуя от всех правительств соблюдения принципов Декларации прав ребенка, миллионы людей мира выступают в защиту человечности.

Маленький мальчик из сибирского поселка Черная Тайжика Коля Пачуев прислал в «Пионерскую правду» письмо: «Я хочу знать, для чего люди живут на земле». Тысячи советских ребят ответили мальчику. Всекие это были ответы: для труда, для мира,

для счастья. А один первоклассник написал: «Я тоже стану Человеком».

И никто из детей не усомнился в грандиозных возможностях человека, никому не пришла в голову мысль о тире человеческих борений, о разрушении, о гибели.

Можем ли мы не оправдать такое доверие!
Мы живем для того, чтоб были счастливы дети.

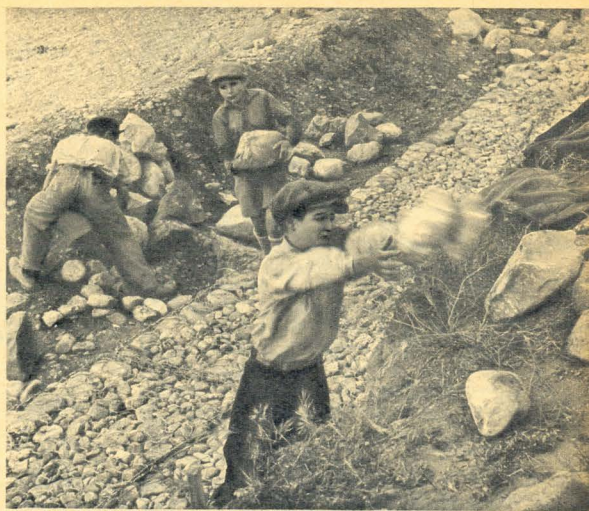
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

работница

МАЙ 1968 • № 5

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года • Издательство «Правда»

Сенсация кончилась, нищета осталась

ЮАР, Кейптаун. Квартал для цветных, улица Маригольд Ноурт, 18...

Здесь в маленьком, неназванном домене живет с тремя детьми Муриел Хаупт, 52-летняя вдова. Она мать того юноши, умершего от кровоизлияния в мозг, чье сердце профессор Бернард пересадил в грудь Филипа Блайберга.

В первые после нашумевшей операции дни корреспонденты газет, радио и телевидения разных стран бесцеремонно вламывались в домик из Маригольд Ноурт, ловили в объективы кино и телеамер лица Муриел и ее детей, заставляли их снова и снова рассказывать о Клайве, его детстве и юности. Особенно дотошными были американцы: те снимали все и вся, ходили по пятам за Муриел, записывали на пленку шумы и семейные разговоры.

«Хлопоты» газетно-журнальной и телевизионной братии щедро вознаграждались.

Вот всего лишь две цифры. Эн-Би-Си и Си-Би-Си — две американские телевизионные компании — заработали на репортажах с улицы Маригольд Ноурт, на материале «Пересаженное сердце Клайв — Блайберг», около двухсот тысяч долларов. Корреспондент Юго-Западного коммерческого телевидения Ричардсон отхватил кусь в 75 тысяч.

А как живет сама Муриел Хаупт в рабском заповеднике Форстера?

«Доход» семьи Хаупт складывается из мизерной вдовой пенсии Муриел да платы за мытье полов и сортировку газет в одной из кейптаунских редакций. Муриел вырастила одиннадцать детей. Семеро жили или вышли замуж и живут отдельно, с трудом сводя концы с концами. Клайв был старшим из тех, кто остался с матерью.

«Частенько, — с горечью рассказывала вдова Хаупт корреспонденту американского агентства ЮПИ, — мне бывает нечего дать детям, кроме черствого хлеба, бобов и спитого кофе. А вообще-то мы едим один раз в день... В рождественские дни у меня не нашлось денег даже на автобус, чтобы привезти детей в центр и хотя бы показать им огни рождественской елки...»

Сейчас снова тихо на Маригольд Ноурт, 18. Сенсация отшумела. Вдова Хаупт по-прежнему живет в ежедневных заботах, как и чем накормить детей.

Если бы я была президентом...

Американский журнал «Манкол» провел недавно опрос среди шестнадцати известных женщин — политических деятельниц, актрис, писательниц и журналисток. В анжете стоял один вопрос: «Куда бы вы повели государственный корабль США, если бы оназились президентом?»

Вот некоторые ответы. Маргрет Чейз Смит, сенатор от штата Мэн:

«Первое, что бы я сделала на посту президента, — это попыталась бы прекратить войну во Вьетнаме. Заседая в сенатской комиссии по вопросам военных

аССИГНОВАННЙ, я знаю о войне несколько больше, чем средний гражданин. И я не упустила бы возможности прекратить вооруженный конфликт.

Во-вторых, я бы подняла роль женщин в общественной жизни страны.

В-третьих, предложила бы систему контроля за фильмами, чтобы избавить детей от созерцания сцен насилия, садизма, непристойностей...

В-четвертых, отменила бы многостепенные выборы как отсталую политическую форму демократии и попыталась бы оздоровить нашу мораль и духовные ценности.

Бетти Фридан, писательница и общественная деятельница: «Я немедленно бы отозвала войска из Вьетнама. Эта война — позорная страница в нашей истории...»

Вполне закономерно ожидать от первой женщины-президента установления реального равенства американских женщин с мужчинами. Своевременным бы был соответствующий закон, гарантирующий подобную возможность».

Марта Гриффитс, депутат конгресса, член бюджетной комиссии:

«...Я бы позвонила по телефону Хо Ши Мину, чтобы уведомить его об отзыве наших

- Улыбающаяся нищета (Чили, Сантьяго).
- Легко ли это — таскать камни... (Италия).
- Сестренка — няня (Венесуэла).
- Курсы ухода за детьми (Конго, Киншаса).

Фото Поля АЛЬМАЗИ

войск; у нас внутри страны дел по горло...»

Как видим, война во Вьетнаме для американских женщин самая тревожная проблема, требующая неотложного и немедленного решения. 15 женщин единодушны также в подходе и к другим наиболее важным вопросам «американского образа жизни».

И только шестнадцатая — Адела Сэлливан, председатель реакционной профашистской организации «Дочери американской революции» (вернее было бы именовать ее «Дочери американской реакции»), — высказалась за эскалацию войны во Вьетнаме, за «разрыв отношений со всеми странами», которые помогают Вьетнаму.

близ города Нордзее. Девушки пишут, что начали свою педагогическую деятельность, полные самых радужных надежд, но в первые же дни столкнулись с дикими порядками, установленными директрисой.

К детям в этой школе обращаются не по именам и фамилиям, а только по номерам, нашитым у них на рукавах. Утром и вечером производятся поверки, словно воспитанники живут в тюрьме или в солдатской казарме. Мальчикам и девочкам запрещено общаться под предлогом... «опасности вступления в сексуальные отношения». Мало чем отличаются от тюремных и меры наказания, которые выдаются здесь за «воспитательные средства». Провинившегося воспитанника заставляют часами стоять без движения на крохотном ивдрате пола или заключают в карцер — холодную камеру темного, сырого подвала. За особые провинности детей запирают в железные клетны, расположенные во дворе школы.

В школе введена система денежных штрафов. Их накладывают на воспитанниц и на родителей «трудных» детей.

Письмо молодых воспитательниц из Нордзее — не единственное разоблачение подобного рода. «Садисты в роли воспитателей», «Наставники с пал-

кой», «Мучители детей» — эти заголовки статей, опубликованных в разных западногерманских изданиях, достаточно выразительны. Речь идет о массовых случаях издевательства над детьми в частных интернатах ФРГ. Система «воспитания» детей в этих учреждениях отличается, по выражению газеты «Дейче фольксцайтунг», «спланированной жестокостью, холодным расчетом, дьявольской изобретательностью».

Откуда это? Западногерманский социолог К. Клаубах отвечает: «Происходит обесценивание морали. Обесценивается и человек. Его просто не принимают в расчет. Особенно если это ребенок. Автомобиль, холодильник, деньги — вот что гораздо важнее в нашем обществе».

Неразрешимая задача

Жена корреспондента английской газеты «Дейли мейл» в Нью-Йорке Джефри Близ недавно стала матерью. На страни-

цах своей газеты Джефри рассказал, во что обошлось ему рождение первенца «на дружественной американской земле». Прежде всего в родильном доме Джефри уплатил 20 долларов за анализ крови жены и 11 долларов за определение группы крови младенца. 15 долларов ему насчитали за прохладительные напитки, которые должны были давать жене, но не давали. За таблетки аспирина — 3 доллара и 50 центов. Амортизация помещения операционной и инструмента (есть в преискусурате и такая статья) обошлась ему в 40 долларов. И, наконец, за пребывание роженицы в палате пришлось заплатить 414 долларов, из расчета 70 долларов в день. «Но не думайте, читатель, — пишет Джефри, — что перечисленные суммы были исчерпан мой долг. По особому преискурату пришлось уплатить еще 500 долларов анушеру, принимавшему роды. Итого — 1 000 долларов... Мы с женой, — горько шутит Близ, — сумели переодолеть эти дополнительные «послеродовые муки». Но как такое удаётся простым американкам и американцам?»

А. САМОЯЛОВ

Дети

в железных клетках

В одном из мартовских номеров нынешнего года профсоюзная газета «Айнхайт» (ФРГ) напечатала письмо двух молодых воспитательниц, приехавших на практику в лесную школу

...ПОТОМУ ЧТО ОНО ВЕРНО

5 МАЯ 1968 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА, ОДНОГО ИЗ САМЫХ ВЕЛИКИХ СЫНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Своими мыслями в связи с этой датой, которую отмечают миллионы людей во всех частях света, делится с читателями «Работницы» советский ученый, академик Константин Васильевич ОСТРОВИТАНОВ.

Говорить о Карле Марксе — значит говорить о том, как люди научились постигать законы, которые управляют жизнью общества, как они поняли, что непременно — хотя бы этого или не хотя бы отдельные люди и целые классы, — все равно на всей нашей планете после долгой борьбы и поисков победит строй, который называется коммунизмом, строй, при котором каждый человек трудится в полную силу своих способностей, а получает от общества за свой труд, сколько ему нужно — по своим потребностям.

Впервые я услышал о Карле Марксе и его учении в юношеском возрасте, в дни первой русской революции 1905—1907 годов. И произошло это в стенах... духовного училища города Тамбова. Сын сельского священника, я был отдан в это училище, так как отец хотел сделать попа и из меня. Один из главных пунктов верования, которое мы постигали, гласил, что истинного счастья человек не может добиться на земле, что он вкусит его только после смерти, в царствии небесном. Мне и многим моим товарищам по училищу, естественно, хотелось счастья не в загробной, а в реальной жизни, и мы довольно насмешливо выслушивали своих «духовных наставников».

А когда мы стали свидетелями революционных событий в стране, узнали о том, что рабочие и крестьяне России не хотят мириться со своим бедственным положением, не хотят ждать загробного счастья, а намерены завоевать счастливую, свободную, справедливую жизнь на земле, наши симпатии оказались на стороне «бунтарей», а не тех, кто усмирлял их.

В 1906 году после училища я поступил в духовную семинарию. Наше начальство решило бороться с влиянием революционных событий. Оно вело курс «критики социалистических учений». Но хотело начальство одного, а добились

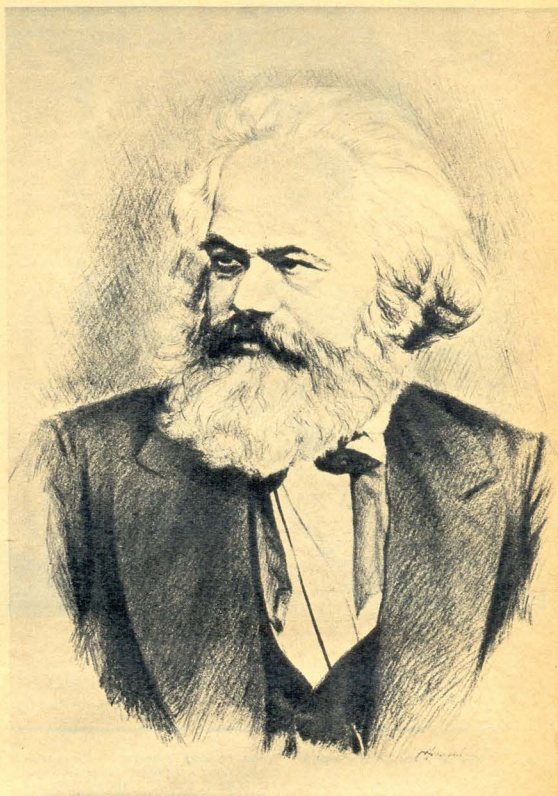
другого. Критикуя социализм, наши «отцы-наставники» невольно вынуждены были излагать то, к чему стремятся социалисты. И хотя учение это излагалось извращенно, мы почувствовали: вот та истина, которую мы смутно искали. Я стал читать литературу о социализме, в частности, прочел несколько книг, рассказывающих об учении Маркса, а потом и труды его самого.

Я был выходцем из сословия, которому были чужды идеи марксизма. Но недаром сказано Лениным, что учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Умом и сердцем я пришел к пониманию верности идей марксизма.

Маркс считал решающим для жизни народа и страны экономическое положение, производственные отношения между людьми. Изучению экономических вопросов я и решил посвятить себя. И после окончания в 1912 году семинарии поступил в Коммерческий институт (сначала в Киеве, а потом перешел в московский). Здесь в конце 1914 года вступил в партию большевиков.

Партия послала меня пропагандировать марксизм, идеи Ленина среди рабочих Московско-Брянской железной дороги, которые организовали кружок при клубе «Разумный отдых». Мы собрались, обсуждали вопрос о войне, говорили о будущем России — о революции. Я разъяснял рабочим учение Маркса, а они своими выступлениями, короткими репликами учили меня находить подтверждения теории Маркса в фактах их повседневной жизни.

Важнейшее открытие Маркса в «Капитале» (теперь это нам кажется очевидным, а до Маркса это было не известно никому) заключается в следующем: Маркс установил, что капиталист оплачивает рабочему не весь его труд, а лишь небольшую часть. Рабочий производит товар, который имеет определенную стоимость. Капиталист беззастенчиво присваивает себе большую часть сто-

КАРЛ МАРКС.

Автолитография художника А. Алемасова.

имости, производимой рабочим, так называемую прибавочную стоимость. До Маркса капиталисты утверждали, что на производстве все происходит справедливо: рабочие вкладывают в дело свой труд, а капиталисты свои капиталы (помещики — свою землю), и каждый получает плату за свой вклад. Маркс разоблачил это хитрое и лживое объяснение. Он доказал, что капитал сам никаких ценностей не производит, что только труд производит их. Маркс доказал, что эксплуатация человека человеком, ограбление рабочего класса с помощью производства прибавочной стоимости, которую, как писал Маркс, «с волчьей жадностью» присваивают себе капиталисты, является основным

законом капитализма. И Маркс доказал также, что законы капиталистического строя не вечны — они не всегда действовали и не всегда будут действовать. Маркс научно предсказал неизбежность замены капитализма другим строем, при котором исчезнет ограбление человека человеком, эксплуатация одного класса другим. И доказал, что социальные революции, устанавливающие новый, справедливый строй жизни, может осуществить и возглавить лишь рабочий класс, взяв себе в союзники другой эксплуатируемый класс — крестьянство.

...С каждым годом все яснее ощущалось приближение революции в России. Буржуазия в нашей стране была особенно

ТЮРЕМНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

жадной и невежественной, власти — жестокими и бесталанными. А с другой стороны, рабочий класс России был особенно угнетен и революционно настроен — он уже не мог жить по-старому. Поэтому русскому рабочему классу идеи Маркса были особенно близки. Ленин писал, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала в полувековой истории неслыханных мук и жертв...».

Сами Маркс и Энгельс сначала думали, что в России до революции далеко, но с развитием событий пришли к выводу, что Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе, и допускали, что русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе. Так они писали в 1882 году в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии». Когда писались эти слова, русский рабочий класс был еще малочисленным и слабо организованным, но имел своей политической партии, но Маркс и Энгельс предали его быстрое развитие.

Маркс и Энгельс дали объяснение самым сложным вопросам, перед которыми становились в ту пору другие ученые. Они объяснили, как труд создал человека, как с возникновением частной собственности человеческое общество разделилось на классы; они объяснили, что частная собственность исчезнет, заменится собственностью общественной, а когда постепенно исчезнет деление человечества на классы, наступит царство свободы, справедливости и братства людей — коммунизм. Маркс и Энгельс впервые научно доказали неизбежность такого строя. Они сделали это, разбирая ход истории и рассматривая противоречия капиталистического строя, которые должны привести его к гибели. Скоро или не скоро наступит новая жизнь, учили Маркс и Энгельс, зависит от людей, от их борьбы за свое лучшее будущее. Они называли революцию «локомотивом истории». Таким образом, Маркс и Энгельс создали цельную и последовательную теорию научного коммунизма.

Достоинством преемником Маркса и Энгельса, воплотившим в себе качества гениального теоретика и замечательного организатора революционной борьбы, явился Владимир Ильич Ленин. В новую историческую эпоху ленинизм стал живым источником революционной мысли и революционного действия. Ленин создал и возглавил партию, которая готовила народ к свержению царского самодержавия.

В годы, предшествовавшие революции, мне посчастливилось работать вместе с сестрой Ленина — Марией Ильичиной Ульяновой. Она передавала нам литературу, получаемую от Ленина, его указания. В 1916 году я вошел в состав Московского комитета партии. 1 декабря 1916 года на заседании МК, которое происходило у меня на квартире, я вместе с товарищами был арестован. Февральская революция 1917 года освободила нас. Мне довелось участвовать в октябрьских событиях в Москве, радоваться победе первой в мире социалистической революции. Мы, участники и свидетели тех великих событий, чувствовали: воплощается в жизнь идея Маркса — Ленина о переходе человечества от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому.

...Первого мая 1918 года портрет Маркса, за который при царизме арестовывали, гноили в тюрьмах, реял на улицах городов и сел свободной России. Это был первый праздник первой страны социалистического мира.

Я прожил три четверти века. Помню время, когда в идеи марксизма-ленинизма верила только небольшая, в сущности, горстка людей, и дожил до времени, когда идеи эти победили на огромных пространствах земли, в социалистических странах. Ими руководствуются в своей борьбе миллионы людей и в капиталистических странах и в странах, добившихся лишь недавно или еще только добивающихся освобождения от колониального рабства.

История идет по Марксу. Она идет так, как он предсказывал в своей глубоко научной теории. Дело интернационального братства народов, дело объединения усилий пролетариев всех стран, которому Маркс положил начало, основав Международное Товарищество Рабочих — Первый Интернационал, одерживает в наши дни все новые победы.

Имя Маркса у всех на устах — имя человека, который совершил великий переворот в общественном сознании человечества, выработал научное мировоззрение пролетариата, правильно отражающее законы исторического развития. 150 лет прошло со дня рождения Карла Маркса. И год от года имя его завоевывает уважение и восхищение все большего числа людей. Когда человечество придет к коммунизму, оно будет помнить об основоположниках научного коммунизма, которые осветили путь на столетия вперед.

Эту историю о первом прочтении марксова «Капитала» рассказал мне старый подполщик, коммунист с 62-летним партийным стажем Николай Андреевич Кингин.

...Словесно Ершовского депо Николаю Кингину не было и двадцати, когда их, девятнадцать подполщиков, собравшихся у волжского берега на Пономаревском острове под Саратовом, чтобы провести там нелегальную конференцию большевистских организаций Рязано-Уральской железной дороги, схватили жандармы. Шел август 1906 года, и «столыпинский» корпус саратовской тюрьмы, построенный здешним губернатором Столыпиным, еще только метившим в российский диктаторы, пополнялся новыми «жилеццами». Именно туда и поместили «бунтарей». Не сразу. Поначалу посадили в другой корпус, старый. И с радости, что поймали всю компанию, — в одну камеру. Большевики не растерялись: решили закончить в этом казенном помещении прерванный арестом дорожную партийную конференцию.

Восстановили по памяти резолюцию, набросанную вчерне еще на острове. Резолюция нацелена была на одно — на проведение всеобщей политической забастовки рязано-уральцев.

Припомнили, записали, переслали на волю — действуйте, мол, выполняйте решения партийной конференции. Ловко эту операцию провели — никто из тюремной администрации не заметил. Уже с воли шумнул начальство кто-то: как же так, господа хорошие, тюремная администрация, пропустили через толстенные свои стены подобный поджигательный документ?

Вот тогда и препроводили всех девятнадцать в «столыпинский» корпус, рассадили поодиночке. Только год-то был 1906-й, красный год. Администрация тюрьмы боялась арестованных: еще неизвестно, как пойдет дело, не победит ли революция, не обменяются ли местами сторожа и заключенные? Строгости пошли позже, после поражения революции, а пока тюремщики смотрели на все сквозь пальцы. После отбоя не мешали арестантам выбираться из одиночек и приходиться друг к другу в гости.

В гости ходили не чаи распивать: образовали тюремный университет (какие первоклассные университеты марксизма-ленинизма основала в те годы по тюрьмам революционная Россия!). И начали учебу с «библии пролетариата» — первого тома «Капитала».

Как? Пронесли в тюрьму «Капитал»? Оказывается, за тюремными стенами случались вещи и поудивительней.

Николай Андреевич показал мне одну старую, пожелтевшую фотографию, и я едва поверил собственным глазам. На снимке — тюремная камера; у стены четверо, среди них одна женщина. (Это Ольга Андреевна Балашова — тогдашний секретарь Саратовского железнодорожного партийного комитета, объяснил мне Николай Андреевич.) На переднем плане, чуть сдвинутая, как говорят фотографы, физиономия юноши. В ней, хоть и с трудом, угадываю лицо своего собеседника. Эти четверо полулежат, смотрят прямо в фотоаппарат и подставляют объективу книгу, на переплете которой напечатано: «Капитал».

— Большевики, изучающие «Капитал» в тюремной камере? Да кто же сделал такое удивительное фото? Чем снимал? Каким образом?

Николай Андреевич смеется:

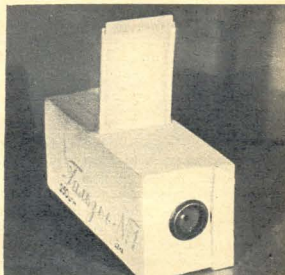
— Говорил ведь: удивительные бывали вещи. Что уж тут скромничать — снимал я сам. Пластинки тогда были малочувствительные, «юпитеров» в камере, как сами понимаете, не было,

Русские рабочие читают Маркса в тюрьме.

Саратов, 1906 г.

Таким фотоаппаратом был сделан этот снимок.

выдержку рассчитывал я самую продолжительную: чтобы успеть затвор открыть, присесть к товарищам, попозировать, встать, закрыть затвор,— уж очень мне хотелось на фотографии запечатлеться. А аппарат? Аппарат сделан из коробки для папиросных гильз фирмы «Катык». Объектив для него — окуляр от бинокля. Окуляр тот моя родная мать Екатерина Михайловна передала в двойном дне судка для щей. С воли в тюрьму в этом судке и окуляр пропутешествовал и фотопластинки. А потом обратно из тюрьмы таким же образом — уже отснятые пластинки.

Не знали четверо в «столыпинском» корпусе, что позируют не перед объективом из бинокля, а перед самой Историей.

Из многих дошедших до нас документов явствует, что первое прочтение книг Маркса русскими рабочими началось почти сразу с появлением в России переводов его работ. Известно также, что «Капитал» как произведение «строго научное и малодоступное», которое «немногие прочтут, а еще меньше поймут», цензурой не запрещался, и, судя по полицейским актам и протоколам, экземпляры «Капитала» были найдены у рабочих Степана Халтурина и Виктора Обнорского — создателей «Северного союза русских рабочих» — и у членов «Южнороссийского союза рабочих»; что «Капитал» Маркса, переплетенный то в библию, то в обложку модного романа, находили при аресте у многих рабочих-революционеров. Это все известно. Но вот документального кадра, который воссоздал бы картину, как русские рабочие читают Маркса в тюрьме, до фотографии Кингина известно не было. И вот он у меня в руках!

Николай Андреевич — ему сейчас уже восемьдесят лет — рассказывает о своем первом прочтении «Капитала»:

— Что говорить, не простая эта книга, не на широкие массы рассчитанная. Фундаментальный научный труд. А вот поди же, от первой фразы — «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства...» — до последней, об уничтожении частной собственности, все становилось доступным.

И это потому, — рассказывает Николай Андреевич, — что были у нас опытные пропагандисты-разъяснители, и потому еще, что диалектике обучила нас сама жизнь. До знакомства с Марксом, с Лениным была у нас только надежда на новую жизнь, а уж после чтения — глубокая уверенность... Признаться, самое первое чтение Маркса меня лично испугало. Подумал: куда сунулся, Колька, не твоего ума это дело. А мне объяснили: моего ума, в первую очередь моего рабочего ума дело, чье же еще дело — революция? Что делать революцию необходимо, — это я уже пацаном понимал. С малых лет учила нас мать: «Пора пришла одолеть кровососов. Я против не буду: войтец, сынки, благословляю». Мать у нас вроде горьковской Нилыны была — все понимала, хотя только в 1930 году, семидесяти четы-

рех лет, овладела грамотой и написала тогда в один журнал статью «Как я училась и детей учила». И фотографии, сделанные в тюрьме, мать сохранила — боевая была женщина, истинная пролетарка. Жизни я своей решил не жалеть для революции. Но вот как ее делать, не знал. В Ершове от старого машиниста Молчанова услышал: «Прежде всего разумом надо стать сильней, чем наш противник. Для этого больше, чем он, знать нужно. Поначалу эти листовки прочти, брошюрки, а потом дам тебе Маркса и Ленина. Не читай их, настоящим революционером не станешь. Уж сколько веков Россия за свободу бьется, еще от Степана Разина, а все в рабстве. Хоть и сильней врага народ, да темней. Надо у самых умных учиться. А как зовут самых умных, я тебе назвал».

На вечно поселение в Сибирь были осуждены обвиняемые по процессу 19-ти. Слова приговора встретили дружным смехом: никто из них не верил в вечность царского режима.

Из Сибири Кингин бежал через месяц. Кочевал по городам с подложным паспортом, выправленным ему в родном Саратове, куда не побоялся заглянуть. Был членом бакинского подпольного городского комитета партии. Уже не только сам читал Маркса, а разъяснял его другим. Поняв, какое это величайшее оружие — книги Маркса и Ленина, — стал пропагандистом-профессионалом.

...Сидим с Николаем Андреевичем в его московской квартире на 3-й Фрунзенской улице. Рассматриваем старые фотографии. Этап в сибирской деревне — снимок сделал местный учитель. Ленин выступает на похоронах Свердлова. И вон там, в нескольких шагах от Ильича, — Кингин. Исторические снимки. И не я один так их оценил. Видел я их в Саратовском краеведческом музее. Там создан уголок Кингина. В уголке этом есть портрет Маркса. На оборотной стороне портрета написано:

«Сарат. губерн. тюрьма.

Политическому Федору Михайловичу Сеношкину.

Здорово, друг! Вот тебе Карл Маркс. Дойдет ли он? Ведь у вас там строго, и, пожалуй, не пропустят... Если, паче чаяния, дойдет, то мой привет и три стиха Пушкина:

Верь, оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа».

Подписи нет. А Федор Михайлович Сеношкин был его, Кингина, товарищем.

Снимок же, сделанный Кингиным в саратовской тюрьме, висит в московском музее Маркса и Энгельса. Другой поразительный экспонат музея — еще один портрет Маркса — с подписью Владимира Ильича на обороте. Рядом с портретом написано: «Вместе с космонавтами в космосе».

Портрет Маркса в царской тюрьме — и марков портрет в космосе. Дистанция!

Сколько проживу на свете, сколько смогу, вырвавшись из Москвы, уезжать в отпуск на юг, буду я навещать детский костнотуберкулезный санаторий имени Боброва, тот, что в Крыму, в Алупке. Многие — и молодые и пожилые — обрели когда-то в «Бобровке» и здоровье и веру в свои силы. Знаменитый санаторий имени Боброва! О нем до войны Корней Чуковский написал яркую, веселую книгу «Солнечная». Да, веселую книгу про тяжело больных ребят. И это было по-честному, было справедливо. Подтверждаю я, старый «бобровец».

Прошлым летом я опять побывал там, в Алупке. И, как всегда, первым делом отыскал сестру-хозяйку Надежду Валерьяновну Батурскую. Вместе с ней я отправился к большому корпусу, обращенному к морю. На балконе в два ряда стояли кровати. На них лежали и сидели ребятки. Увидев нас, они хором прокричали:

— Здрав-стуй-те!

У детей, видимо, был свободный час. Одни играли на мандолинах, балалайках, другие рисовали, положив листы бумаги на специальные доски, третьи забавлялись игрушками. Надежда Валерьяновна заботливо поправляла на их кроватках одеяла, терпеливо поднимала постоянно падавшие на пол книги, игрушки, осматривала повязки.

— Ты почему до сих пор не написал письмо маме? — спросила Надежда Валерьяновна у худенького белокурого мальчика.

— Вот честное слово, сегодня напишу, Навабушка!

...Прошло столько лет, сменилось целое поколение, а детишки, как когда-то мы, зовут ее Наваб. Мы составили это смешное имя из первых слогов ее имени, отчества, фамилии. Питомцы «Солнечной» были мастаки на выдумку, на шутку, на смех. Мы лежали в гипсовых кроватках недвижно, по многу лет, но небо было наше, море — наше, солнце — наше...

...Я попал в «Бобровку» в 1941 году, в январе.

В июне, когда на Крым обрушились первые фашистские бомбы, наш санаторий эвакуировали на Северный Кавказ, в Теберду. И то, о чем я хочу сейчас рассказать, случилось уже в Теберде.

...Нас в палате десять мальчиков и девочек. Колька читает, он всегда читает. А Толька Побединцев сидит на кровати и обстреливает из рогатки дорожку, которая проходит мимо нашего санатория и хорошо видна из окна. Дорога тянется далеко, до самого моста через речку Теберду. На дороге всегда происходит что-нибудь интересное: во-

Надежда Валерьяновна Батурская.

Фото Н. МАТОРИНА.

О Б Я З А Н Ж И З Н Ь Ю...

лы лениво тянут арбы, смешной трусдой пробегают маленькие ослики с огромными вязанками хвороста на спине.

Однажды на дороге началось что-то тревожное и непонятное. На мосту появилось темное облачко, которое устре-

милось к нашему санаторию. Из облачка вынырнул грузовик с огромными ящиками. А через некоторое время показались лошади, тянувшие орудия, потом телеги с ранеными. За ними шагали пропыленные красноармейцы, сги-

бавшиеся под тяжестью скаток и вещей мешков.

Как я тогда завидовал тем, кто мог ходить! Побегать бы, спросить: «Куда вы, товарищи? Возьмите и меня с собой!» Но в нашей палате никто не

умел ходить. Мы, не спрашивая, поняли: наши отступают.

Никогда в жизни с таким тоскливым отчаянием не ощущал я своей ужасающей беспомощности. Нам сказали, что больных детей оставляют в Теберде. Через Клухорский перевал ведет узенькая горная тропа, по ней и одному человеку идти трудно, а нести кровати с детьми, лежащими в гипсе, и вовсе немыслимо.

Значит, конец! Придут немцы, и тогда..

Нет, мы еще не понимали, что может быть тогда!

С нами, из-за нас оставались в Теберде врачи, медицинские сестры, санитары. Осталась Елена Георгиевна Петрова, прекрасный врач, сама переболевшая когда-то костным туберкулезом. Осталась веселая, энергичная Наталья Петровна Изергина. Осталась любимица санатория Наваба. Осталась совсем еще молодая медсестра Екатерина Авксентьевна Репина, мы ее звали просто Катенька. Все сотрудники перебрались в санаторий, чтобы все время быть с нами.

Тревожная неопределенность тянулась три дня. А под вечер четвертого прибежала санитарка тетя Нюша и закричала не своим голосом:

— Немцы пришли!

В соседней палате малыши подняли плач. Я же, улегшись повыше на подушку, стал следить за дорогой. Видел, как на мост въехали три мотоциклиста, а за ними, заполнив всю дорогу, двинулись немецкие солдаты, рыжие конитяжеловозы, офицерские автомобили. Войска шли и шли... Они шли в сторону Клухорского перевала, где гремела артиллерийская канонада. Днем и ночью мимо санатория с грохотом ползли тягачи, вездеходы, мотоциклы. Их было столько, что нас тошнило от гари и дыма.

Первое время немцы нас словно бы не замечали. В санатории кончились запасы продуктов. Завтрак теперь состоял из жидкой соевой каши без соли. Обед — из супа, в котором, кроме воды и гнилой капусты, ничего не было. Ужин — из кружки кизилового отвара.

Ежедневно кто-нибудь из сотрудников санатория отправлялся в горы за кизилом, за дикими яблоками, грушами, барбарисом и орехами. Иногда удавалось произвести в соседних селах выгодный обмен. Меняли буквально все: одежду, постельные принадлежности, медикаменты. Тогда вместо соевой каши мы ели кукурузную мамалыгу, а кизиловая вода заменялась стаканом айрана.

Но вот в Теберде появились эсэсовцы. Мы видели этих солдат в черных мундирах впервые, но почему-то знали или почувствовали, зачем они пришли.

Ребята в нашей палате решили: если эсэсовцы придут к нам, не показывать им своего страха. Каждый из нас думал, что сумеет умереть героической смертью. Как Гаврош. Как Петька в «Чапаяеве».

Зарево пожаров, выстрелы — вот что было теперь за нашим окном. Потом пришел день, когда мимо окна проехали несколько закрытых машин серо-зеленого цвета. По шуму моторов, внезапно стихшему, я догадался, что странные машины остановились у санатория. Я не мог знать тогда, что это и были «дешегубки».

В нашу палату вошли двое в черных мундирах. Мы просто перестали ды-

шать. Оглядев наши окаменевшие лица, эсэсовцы прошли в другую палату. В санатории стояла звенящая тишина. И тут мы услышали отчаянный крик. Из соседней палаты немцы выволокли Сеньку Бройдо.

Мы вспомнили фильмы, которые видели в годы войны. И догадались: эсэсовцы ищут среди нас детей-евреев.

В окно мы видели, как эсэсовцы волокли наших ребят и бросали в машины штабелями, точно дрова. В воздухе стоял сплошной стон. А мы? Что мы могли сделать? Чем могли помочь?

В палату вошла Наталья Петровна, совершенно обессиленная, с помертвевшим лицом. Она опустилась на стул и зарыдала. Глядя на нее, заплакали и мы.

Эсэсовцы схватили тогда не всех детей-евреев. Часть из них удалось спасти. Наша Наваба спрятала от гитлеровцев истории болезней, по которым можно было установить имя, фамилию, национальность детей.

Каждый день теперь напоминал жуткий сон. Многие ребята начали опухать от голода. В нашей палате из десяти осталось только шестеро. Умер и Колька, который так любил читать.

Умиряли не только больные дети. Таяли ряды сотрудников.

Это были нестарые, крепкие люди. По всем законам природы они должны были выздороветь, а умереть полагалось нам — больным туберкулезом. Но они решили повернуть судьбу по-иному. Я слышал, как Наталья Петровна говорила нашей воспитательнице Агнуше:

— Ты сама понимаешь, что нелегко превратить себя в мост, по которому пройдут другие.

Так оно и было. Я тоже прошел по этому мосту...

Приближался 1944 год. Эсэсовцы ночью устраивали облавы на партизан и на тех, кто помогал партизанам или существовал им. Каждый час, каждая минута могли оказаться для любого жителя ущелья последней, но мы с надеждой прислушивались к артиллерийской канонаде, которая снова гремела у Клухорского перевала. Она усиливалась с каждым днем.

Наших солдат мы увидели 19 января. Как выяснилось позже, именно на этот день эсэсовцы назначили расправу с оставшимися в живых детьми санатория.

Наши шли по дороге в валенках и белых полушубках. Из окна мы увидели, как Надежда Валерьевна, Елена Георгиевна, Наталья Петровна и Катенька, не стыдясь своих слез, бросились к солдатам.

Узнав, что в санатории лежат чудом уцелевшие дети, солдаты отдали нам все свои пайки, а сами ушли дальше, в бой...

* * *

Каждый раз, приезжая в «Бобровку», я рассказываю ребятам о том, что было в Теберде, о людях, которым и я и десятки других ребят обязаны тем, что остались в живых. Рассказываю потому, что есть вещи, которые надо понимать с детства и навсегда.

В. ГРЕСБ

Ле Тхи Риенг.

ПОЗОР УБИЙЦАМ

Кажется, это было еще совсем недавно. На Тульскую швейную фабрику объединения «Чайка» приехала делегация вьетнамских женщин. Весть об этом мгновенно облетела все цеха. Работницы выбежали из проходной, чтобы встретить гостей. Образовался живой коридор, через который, приветливо улыбаясь, шли стройные, такие хрупкие на вид вьетнянки.

А потом на фабричном митинге гости рассказывали, как живет и борется их страна, их героический народ. Вьетнамские женщины говорили об американских бомбежках — и гневом загорались глаза тульских работниц. Вьетнянки говорили о том, как у них на родине — в траншеях, под землей — продолжают работать фабрики и заводы, и тульские швеи аплодировали трудовому подвигу братского народа. «Мы верим в вашу победу, мы всегда готовы помочь вам отстоять свободу и счастье вашей родины», — говорили с трибуны митинга русские женщины. Эта встреча надолго осталась в их памяти.

И потому так всколыхнула всю фабрику страшная весть, долетевшая из Вьетнама: в Сайгоне после нескольких месяцев пыток и издевательств убит Ле Тхи Риенг, одна из руководителей Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама, член ЦК Национального фронта освобождения.

Ее не было на той встрече в Туле. Но вьетнамские подруги с восхищением рассказывали об этой удивительной женщине. Ле Тхи Риенг — дочь бедных крестьян. В 1945 году колонизаторы были изгнаны из Северного Вьетнама, а Южный Вьетнам, родная земля Ле Тхи Риенг, стоял под гнетом чужеземцев и предателя вьетнамского народа — тех, кто возглавил сайгонское марионеточное правительство. Ле Тхи Риенг ушла в партизанский отряд. В 1961 году ее избрали заместителем председателя Союза женщин и членом Центрального комитета НФО.

В мае прошлого года при выполнении задания Ле Тхи Риенг была схвачена вражескими солдатами. Она многое знала: расположение отрядов Армии освобождения, базы, пайки, мины...

Ее пытали. Ей до истей сожгли руны, но она не сказала ни слова.

В ночь на 31 января 1968 года Ле Тхи Риенг и еще нескольких патриотов посадили в открытую машину, вывели за ворота тюрьмы и прямо на улице расстреляли из автоматов.

У Ле Тхи Риенг осталось двое детей: 13-летний Шанг (на русский язык это имя переводится как «справедливость») и 11-летний Конг («Торжество»). Отца они потеряли еще раньше. Он тоже отдал свою жизнь за свободный Вьетнам.

Память о Ле Тхи Риенг будет всегда жива на ее родине — во Вьетнаме. И в русском городе Туле будет жить ее имя. Отныне одна из лучших в швейном объединении «Чайка» бригада коммунистического труда, которую возглавляет мастер Екатерина Кузьминична Трускова, будет носить имя Ле Тхи Риенг. Так решили тульские швейницы.

Эти девушки защищают небо Вьетнама.

Пока ребяташки гуляют, няни наблюдают за небом. При появлении американских бомбардировщиков няни немедленно прячут малышей в бомбоубежище.

Перевязанного мальчугана зовут Ву Тиенг Конг. Однажды по дороге в школу он попал под бомбежку. Больше месяца пролежал маленький Ву в госпитале.

Фото А. МОКЛЕЦОВА (АПН)

Хорошо, «Чаечка»!

Юрий ГАГАРИН

...После первомайских праздников 1963 года мы стали готовиться к отлету на космодром: приближался старт «Востока-5», а за ним и старт «Востока-6».

И вот мы снова на космодроме. Начались предстартовые хлопоты...

Мало кто знает, сколько непредвиденных испытаний — главным образом психологического порядка — пришлось перенести перед самым полетом командиру «Востока-5» Быковскому.

В полночь пришло сообщение одной из астрономических обсерваторий: наблюдается необычная активность Солнца. Ученые забеспокоились: пока результаты этого явления не изучены, направлять на орбиту космический корабль рискованно.

Надо представить себе внутреннее состояние Валерия и его дублера, когда утром, будучи морально готовыми к старту, они узнали, что полет отложен. К чести обоих, отнеслись они к этой неожиданности спокойно. Оба приехали из «Домика космо-

навтов» в нашу гостиницу в тот час, когда по обычному распорядку для всех мы занимались утренней физзарядкой. Сняв верхнюю одежду, они тут же выбежали на спортивную площадку и встали в общий строй.

Астрономам понадобилось несколько дней для пристальных и всесторонних наблюдений за раскапризничавшимся Солнцем. Никаких препятствий к старту они, как мы и думали, не установили. Предосторожности, принятые учеными, оказались излиш-

ними. Но академик С. П. Королев справедливо заметил:

— В нашем деле никогда не надо забывать хорошего правила: семь раз отмерь один раз отрежь. Народная мудрость применима и к космонавтике...

Наконец настал день старта «Востока-5» — 14 июня 1963 года...

Пока у ракеты проходили последние предстартовые технические операции, космонавты, как обычно, собрались на смотровой площадке. Прильнув к окулярам стереотрубы, Терешкова внимательно следила за всем, что происходило возле стартового устройства. Душевное состояние ее было понятно — Валя впервые в жизни присутствовала при старте человека в космос и хотела все знать, все увидеть. Ведь скоро стартовать и ей...

Я, как и в прошлые разы, находился в бункере вместе с Председателем Государственной комиссии академиком С. П. Королевым, генералом Н. П. Каманниным и все время поддерживал связь по радио с командиром «Востока-5»...

Столбы нестерпимо яркого пламени приподняли ракету. Могучий рокот двигателей взвихрил каменную пыль. Ракета, ускорив движение, все дальше и дальше уходила в небо, разрывая цепкие путы земного притяжения. Из репродуктора раздался ликующий голос Валерия:

— Все идет отлично!

Счет времени на космодроме пошел по другим часам. Оно измерялось числом витков, проделанных «Востоком-5». Почти весь первый вечер после старта, и ночью, и весь следующий день я провел на командном пункте космодрома. В нескольких залах шла круглосуточная напряженная работа. Мне нравилась царившая там строгая, деловая обстановка. Стены увешаны множеством схем, таблиц и карт, испещренных условными знаками, цифрами, расчерченных синусоидами проекций фронта. Всюду телефоны, выносные радиоустройства, телевизионный экран, магнитофоны для записи переговоров по каналам «Земля — Космос» и «Космос — Земля». Многочисленная сложная техника с марками отечественных заводов надежно обеспечивала непрерывную связь с «Ястребом», с Москвой, со всеми пунктами, расположенными на территории нашей страны и наблюдающими за полетом «Востока-5».

ли стихи. Все смотрели на Валю влюбленными глазами. Мне показалось, что она необыкновенная, не такая, как всегда. Было в ней что-то возвышенное, мягкое и ласковое. И в то же время в глазах, в движениях, в голосе чувствовалась решимость.

В конце митинга все цветы, оказавшиеся у нее в руках, Валя отдала академику С. П. Королеву. Когда митинг закончился, Сергей Павлович взял Валю под руку, поднялся с ней на корабль.

Вечером мы проводили Валю и ее дублера в «Домик космонавтов». «Хозяйка» домика, пожилая, убеленная сединами Клавдия Акимовна, в прошлом учительница начальной школы, позаботилась, чтобы в нем было удобно, уютно и тихо. На круглый стол, застланный камчатой скатертью, она поставила хрустальную вазу с белыми гладиолусами, красными маками и скромными ромашками — любимыми цветами Вали. Приготовила для нее кровать, на которой перед своим полетом в космос спал я.

В воскресенье, 16 июня 1963 года, в 12 часов 30 минут по московскому времени «Восток-6» стартовал. Полет Валентины планировался на сутки. Но на земле она при мне и С. П. Королеве договорилась с Председателем Государственной комиссии, что, если физическое и моральное состояние ее будет хорошим, продолжительность полета «Востока-6» можно увеличить в три раза и приземлит корабль одновременно с кораблем Валерия Быковского.

Находясь на пункте управления, мы знали: полет проходит успешно. Записи телеметрических измерений физиологического состояния женщины-космонавта показали, что она может еще продолжительное время работать на орбите. На исходе первых суток полета состоялась такой радиоразговор академика С. П. Королева с Терешковой.

— «Чайка!» «Чайка!» Как себя чувствуешь? — спросил ученый.

— Будем летать, как договорились? — вопросил на вопрос ответила Валя.

— Вот и хорошо, «Чайка», — ласково согласился Сергей Павлович.

Государственная комиссия подтвердила: — Согласно на продолжение полета... Оба космонавта — и Валерий Быковский и Валентина Терешкова — по несколько раз брались за ручное управление кораблями,

всех чувствуешь плечо друга». И, видимо, памятью особые поручения врачей-физиологов, добавила: «После выполнения вестибулярных проб неприятных ощущений не было — ни головокружения, ни подташнивания, чувствовала себя так же, как на Земле». Валин почерк там, в космосе, оставался таким же четким, как и на Земле, — строчки ровные, каждая буква выписана отчетливо, с волевым нажимом. В полете Валя проводила несложные математические расчеты, распознавала геометрические фигуры, нанесенные в хаотичном беспорядке на особые таблицы, рисовала спирали и звезды. Эти рисунки делались на 29-м, 31-м и 45-м витках вокруг Земли. Они выполнялись для того, чтобы ученые могли определить остроту внимания космонавта, степень утомленности и координированность движений.

Мы знали время, когда «Восток-6» должен пройти над космодромом. Все высипали в этот час на улицу и, подняв головы, всматривались в густые россыпи звезд.

— Кто первый заметит корабль, тому премия, — пошутил я.

— Где тут найдешь корабль в таком звездном океане? — заметил кто-то.

— Вало... да не найти! — запротестовал Андриян Николаев.

И вдруг: «Вижу, вижу!» Все мгновенно повернулось в ту сторону, куда показал кричавший.

— Там корабля не может быть, — откликнулся Герман Титов.

И действительно, в той половине неба ничего не было, только, как снежная поемка, курилась звездная пыль. Все продолжали всматриваться в небесный купол. Медленно текли минуты.

— Вижу, вижу! — раздался уверенный голос Николаева.

Среди множества звезд, усыпавших небосклон, мы разглядели, самую главную для нас звездочку. На огромной высоте она стремительно пересекала небо.

На другой день после приземления «Востока-5» и «Востока-6» мы встретили Валю и Валерию на берегах Волги. Они обнялись и, взявшись за руки, долго стояли молча, глядясь друг в друга. К ним подошел Андриян Николаев — радостный, сияющий.

Отойдя с нами в сторону, Валерий, самый близкий друг Николаева, сказал по секрету мне, Алексею Леонову и другим товарищам то, чего мы не знали, о чем только догадывались: Валя и Андриян любят друг друга и расстались на космодроме как жених и невеста. Они договорились, что поженятся после ее возвращения из полета.

Накануне 46-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции все мы, с семьями, отправились из «Звездного городка» в Москву, на Чистые пруды, во Дворец бракосочетаний.

В двух Андриян, одетый в строгий черный костюм, и Валентина в белом подвенечном платье с фатой под звуки музыки, счастливые и смущенные, вошли в просторный, переполненный людьми зал. Я стоял рядом с матерями космонавтов — Еленой Федоровной и Анной Алексеевной. Они волновались и часто прижимали к глазам платки. Документы новобрачных скрепили своими подписями: со стороны невесты — моя Валентина и я, со стороны жениха — Валентина и Валерий Быковские. Молодые обменялись золотыми обручальными кольцами.

Валя выглядела в ту минуту необыкновенно красивой. Я, приподнося Вале букет белых гладиолусов, сказал:

— С доброй женой горе — полгоря, а радость — вдвойне...

Автобиографическая книга Юрия Алексеевича Гагарина «Дорога в космос» хорошо знакома нашим читателям. Незадолго до своей трагической гибели Юрий Алексеевич закончил работу над рукописью нового издания книги. В скором времени книга выйдет в Воениздате.

Мы публикуем отрывок из записок героя-космонавта, посвященный выполненному пять лет назад — в июне 1963 года — совместному полету двух космических кораблей, пилотируемых Валерием Быковским и Валентиной Терешковой.

А тем временем на стартовой площадке развернулись работы у новой ракеты. Под вечер туда, следуя установившейся традиции, на встречу со стартовой командой отправилась Валя Терешкова со своей подружкой-дублером. Загорелые до черноты, мужественные стартовщики собрались возле ракеты, чтобы увидеть девушку, которой предстояло трудные испытания.

На митинг собралось много народа. Товарищи говорили в адрес девушек проникновенные слова, преподносили цветы, чита-

производили киносъемку Земли и неба, вели научные исследования. Обо всем проделанном на орбитах они записывали в боржурналы своих кораблей. После возвращения космонавтов на Землю мы внимательно прочитали все записки. Среди них было много любящего. На первом витке Валя Терешкова писала: «Состояние невесомости: чувствуется легкость, работоспособность не теряется, настроение бодрое, особенно после разговора с «Ястребом». Все-таки здорово, когда далеко от

ТУЧИ НАД ВАШИНГТОНОМ

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

ЭТО БЫЛО в прошлом месяце. Во время беседы наш гость из Японии неожиданно вынул из своего портфеля банку с водой, отлил немного в блюдце и поднес к нему спичку. Вода, к нашему великому удивлению, загорелась слабым голубоватым огнем. Однако этот японец не был иллюзионистом, и то, что он проделал с водой, не было фокусом. Оказывается, вода была взята из колодца на острове Окинава, где сейчас находится свыше 140 американских военных баз.

Если бы все дело свелось только к отравлению японского острова Окинава американским бензином, то и этого было бы достаточно для сурового и беспощадного осуждения американских империалистов. Но ведь именно с Окинавы совершают свои разбойничьи налеты на ДРВ американские бомбардировщики, способные нести атомные бомбы.

Такие же бомбардировщики американская военщина держит в Таиланде, соседней с Вьетнамом стране. Таиланд фактически превращается в огромную военную базу Пентагона. События последних недель показали, что Соединенные Штаты используют эти военные базы, как и свой 7-й морской флот, не только для расширения агрессии против народа Вьетнама, но также и для прямого нападения с воздуха на территории двух других государств Индокитайского полуострова — Лаоса и Камбоджи. Создается опасность расширения войны до таких размеров, что она охватит многие государства Азии и станет реальной угрозой всеобщему миру.

Однако авантюристическая политика правительства поставила Соединенные Штаты перед серьезными трудностями как внутри страны, так и во внешней политике.

Первое. США переживают тяжелые испытания в экономике и финансах. Еще недавно на биржах США, Англии и других западноевропейских стран бушевала «золотая лихорадка». Банкиры и дельцы капиталистического мира живут под страхом новой вспышки этой лихорадки и нового падения курса английского фунта стерлингов и американского доллара. Теперь уже никто не решится называть американскую денежную систему «самой надежной и устойчивой». Некоторым людям, судящим о «процветании» страны только по блестящим витринам магазинов или по количеству автомобилей на улицах городов, могут показаться «голой пропагандой» слова о финансовых и экономических язвах и болезнях США. Но почему же в этой «процветающей» стране из года в год сохраняется огромная армия безработных? Почему целые районы, такие, как Аппалачи, остаются «зонами бедности», что не раз признавало само правительство США? Прежде всего потому, что развитие экономики США носит уродливый, однобокий характер: оно направлено на проведение политики войны и гонки вооружения.

Ежегодные расходы США на агрессивную войну во Вьетнаме достигают 30 миллиар-

дов долларов. Это привело к тому, что в бюджете США образовался огромный дефицит, когда государственный денежный доход не способен покрыть расходов правительства. Напомним, что президент Джонсон уже объявил о повышении налогов с американцев на 10 процентов. По подсчетам французской газеты «Фигаро», это повышение налогов даст правительству США лишь 12 миллиардов, в то время как самая минимальная сумма, в которую определяется дефицит, составляет 20 миллиардов. Где же взять остальное? А ведь расходы США на войну во Вьетнаме, на поддержку военной обстановки на Ближнем Востоке и в других районах мира, на идеологическую подрывную деятельность против стран социализма все растут.

Так выглядит одна из проблем, которая стоит сейчас перед Вашингтоном.

Теперь о другой. В одном из последних номеров американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» писал: «Когда преподобный доктор Мартин Лютер Кинг возглавил свой «поход бедняков» на Вашингтон 22 апреля, тысячи негров организовали осаду здания конгресса и Белого дома, обещая не покидать столицу до тех пор, пока их требования «работы или средств к жизни» не будут удовлетворены... Войска армии США и национальной гвардии будут готовы к подавлению любой вспышки мятежа. Вся страна будет следить за этим противоборством».

Номер журнала вышел в свет, когда доктор Мартина Лютера Кинга, одного из самых выдающихся и мужественных борцов против расизма и политики войны, уже не было в живых. Он, как и многие другие прогрессивные люди Америки, погиб от пули из-за угла, пал очередной жертвой реакции. В историю Соединенных Штатов войдут те «семь дней в апреле», когда крупнейшие города страны — Чикаго, Бостон, сама столица Вашингтон — пылали в огне пожаров, ставших ответом негритянского населения на убийство Мартина Лютера Кинга. Ценой новых человеческих жертв и лишь благодаря тому, что в ход были пущены вооруженные до зубов войска, правительству Джонсона удалось подавить негритянский мятеж в апреле. Однако негритянская проблема осталась. И она будет по-прежнему очагом острых столкновений, массовых выступлений, если неграм не будут предоставлены гражданские и социальные права.

Нынешний год объявлен Организацией Объединенных Наций «Годом борьбы за права человека». В Тегеране в конце апреля открылось специальное заседание, созванное ООН и посвященное этой важной социальной и гуманитарной проблеме. Одним из главных на заседании в Тегеране был вопрос о борьбе против расизма во всех его проявлениях, и в частности о борьбе за права негров в Соединенных Штатах.

И здесь мы переходим к третьей, главной проблеме, которая стоит перед правительством Джонсона.

Соединенные Штаты идут к своим президентским выборам в условиях, которые одна из газет определила таким образом: «Америка сомневается в самой себе, впервые в своей истории она сомневается в законности своих действий...»

Еще совсем недавно так называемого «среднего американца» уверяли, что дела во Вьетнаме идут хорошо, что вот-вот раздается салют победы. А между тем из Вьетнама приходят вести о новых ударах, которые вооруженные силы Фронта национального освобождения наносят американским интервентам. Удивительно ли, что в Соединенных Штатах ширится борьба за немедленное прекращение войны, за вывод из Вьетнама всех американских войск.

Растет также и мировое движение в поддержку героического вьетнамского народа. Все эти факторы, вместе взятые, привели к тому, что президент США Джонсон вынужден был в известной степени переменить тактику своего правительства по вьетнамской проблеме и объявить, что США будут проводить лишь «ограниченные бомбардировки» территории ДРВ и что правительство Вашингтона готово идти на переговоры с ДРВ «в любое время и в любом месте». Хотя так называемые ограниченные бомбардировки означали продолжение воздушных налетов на населенные районы страны, правительство Демократической Республики Вьетнам проявило благоразумие и незамедлительно согласилось на контакты с представителями США. Но Вашингтон начал проводить явную для каждого политику затяжки переговоров, ставя все новые и новые препятствия для выбора места переговоров.

Однако нажим общественного мнения во всем мире и в самих Соединенных Штатах был так велик, что правительство Джонсона должно было в конце концов согласиться с предложением ДРВ избрать местом переговоров Париж.

Советский Союз неоднократно заявлял, что он стоит за переговоры, за предоставление вьетнамскому народу права самому решать свои дела.

* * *

Апрельский Пленум ЦК КПСС в своем анализе современной обстановки подчеркнул, что империализм, и прежде всего империализм США, испытывая серьезные потрясения и провалы в своей внутренней и внешней политике, усиливает подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран и коммунистического движения.

Этому идеологическому натиску империализма необходимо противопоставить высокую бдительность и политическую зрелость народов социалистических стран, единство и сплоченность международного коммунистического и рабочего движения.

Именно этим целям служит большая работа по подготовке нового совещания коммунистических и рабочих партий.

В ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ

В годы Великой Отечественной войны жители Аккурганского района, Ташкентской области, проводили на фронт 6 тысяч своих земляков. Более половины из них не вернулись домой — погибли, защищая Советскую Родину.

В канун 50-летия Октября в Аккургане был торжественно открыт монумент в память о воинах-аккурганцах, павших смертью героев. На каменном полу-

кружье — барельефы советских солдат, в центре — фигура скорбящей матери. Алюминиевый пилон высотой в 33 метра увенчан гербом Узбекской ССР. Из динамиков, вмонтированных в пилон, льются траурные мелодии, проникающий женский голос напоминает живым о тех, кого нет сегодня с нами. В память о погибших героях горит вечный огонь.

Монумент воздвигли жи-

тели Аккурганского района. Нет в районе ни одной семьи, которая не участвовала в его сооружении. Высокий холм, где установлен памятник, покрыт дерном. Квадратики дерна принесли сюда люди из каждого населенного пункта, с каждого двора.

Здесь всегда много цветов. В торжественные дни у монумента выстраивается почетный караул. Школьники вступают здесь в пионе-

ры, юношам и девушкам вручают комсомольские билеты. У монумента Славы павшим собираются юноши, призываемые в Советскую Армию.

...По обе стороны холма, на дороге, установлены шиты. На них надписи: «Водитель, ты подъезжаешь к памятнику памяти героев. Почти их память». И замедлен ход машины, звучит продолжительный гудок sireны...

Фото Ю. КАВЕРИНА.

ПОРТРЕТ НА ОБРЫВКЕ БУМАГИ

Этот портретный набросок на куске оберточной бумаги сделал много лет назад узник фашистского концлагеря. Кто он, мы не знаем. Его расстреляли. А Мария Сердюк, чей

портрет нарисовал художник, чудом осталась жить.

...Поздней осенью сорок третьего по Черному морю шел военный катер с морской пехотой. Моряки должны были вы-

садиться на захваченном немцами Керченском полуострове. Вместе с моряками была медсестра Мария Сердюк. Задание выполнили. Уставшие, голодные, в оледенелой одежде, моряки всю ночь удерживали захваченный пятачок, отбивали все атаки. К утру совсем обессилили.

Нужно было связаться со штабом, попросить подкрепления. Двое связных не вернулись. Тогда пойти в штаб вызвалась медсестра. Всю дорогу за ней охотились фашистские снайперы. Правда, безрезультатно: только раз пуля зацепила фуфайку. Мария разыскала штаб, доложила обстановку и опять пошла на передний край, ведя за собой подкрепление.

Моряки бились отчаянно, но фашистам все-таки удалось создать перевес. Выход был один: уйти в море. Случилось так, что Мария и еще шесть моряков не успели к катеру, и им пришлось выбираться на самодельном плоту. Утонул раненый осколком снаряда младший лейтенант Дмитриев, потом ушел под воду старшина Мистиашвили. Вскоре Мария осталась на плоту одна.

Участница четырнадцати де-

сантов морской пехоты, она многое испытала на войне, но эта ночь была самой трудной и горькой.

Утром к плоту подошел вражеский катер. Мария оказалась в плену. Четыре месяца мучений, допросов, пыток. Ей предложили работать в немецком госпитале — она отказалась. И тогда ее приговорили к расстрелу.

Марию вели на расстрел вместе с тем, кто рисовал ее портрет. Но, видно, она «родилась в рубашке»: по дороге удалось бежать.

Мария вернулась в свою часть. Отдохнув и подлечившись, продолжала воевать. Участвовала в освобождении Румынии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии. И всюду с ней был тот портрет.

Сейчас Мария Дмитриевна Сердюк работает председателем Луганского областного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. На этом поприще заслужила она орден Трудового Красного Знамени, а Международным Комитетом Красного Креста вручил ей свою высшую награду — медаль Флоренс Найтингейл.

М. ЛЕВИТ

Мать жила далеко, в Барнауле, и уже давно Ксеша получила горькое и по скрытности характера матери необычное для нее письмо. Мать писала, что сын Михаил, женившись, отошел совсем в сторону, у него своя семья — жена и сын, недавно получили новую квартиру и мать теперь на втором плане у него. И вот оглядываешься на свою жизнь и видишь, сколько пропущено в ней, и самое лучшее было в молодые годы, но этого уже не вернуть.

Ксеша была дочерью от первого брака матери, недолгого брака, хотя сначала все шло хорошо. Винавата во всем была, конечно, война: отец, Андрей Степанович Лебедев, работавший диспетчером в Управлении Казанской железной дороги, был сразу же мобилизован, оказался в железнодорожных войсках где-то под Каменец-Подольском, а мать с ней, Ксешей, тогда двухлетней, эвакуировали в Барнаул, и мать стала работать здесь сначала счетоводом в бухгалтерии одного из техникумов, а потом, окончив специальные курсы, — бухгалтером. Война тем временем шла, и Ксеше было уже шесть лет, когда война кончилась, но с нею кончилось и то, что связывало мать с отцом: где-то в Житомире увела его от семьи властная, красивая женщина Галина Онуфриевна Осипченко, работавшая в Военторге, и отец, слабый и безвольный, пустил под откос то, что было дотеле в его жизни, а теперь, когда жизнь, в общем, была уже прожита, и сам оказался где-то под откосом.

Когда матери стало совсем трудно с девочкой, которая скоро должна была пойти в школу, сестра матери, Ульяна Петровна, жившая одиноко, предложила, чтобы племянница переехала к ней в Москву, а там в случае чего все-таки ее, Ульяны Петровны, жилая площадь останется за Ксешей.

Один из знакомых железнодорожников отвез Ксешу в Москву, и не месяца, а годы пошли с тетей Улей. У матери тем временем сложилась по-новому жизнь в Барнауле: она вышла замуж за музейного работника, человека с нелегким характером, Всеволода Витольдовича Скобчинского, тоже оказавшегося в эвакуации, и сын Михаил был от него. Но несколько лет спустя, когда мальчик уже начал ходить в школу, Всеволод Витольдович решил побывать в родных местах, где-то возле Пружан, кстати, позвать свою родную сестру, а через некоторое время написал оттуда длинное, ничего не объяснявшее и вместе с тем все объяснявшее письмо. Всеволод Витольдович писал, что в родных местах воспринял духом, а Барнаул, конечно, был в его жизни лишь временным этапом из-за войны и что его приглашают поработать в музее заповедника Беловежской пущи. Далее Всеволод Витольдович писал о том, что по специальности он все-таки зоолог, а в Барнаульском краеведческом музее занимался совсем не своим делом.

Мать все же ждала его, достала как-то книгу о Беловежской пуще, прочла в ней о зубрах, а еще три года спустя, когда стало уже очевидно, что Всеволод Витольдович не вернется к семье, считает ее, видимо, тоже лишь этапом в своей жизни, мать с горькой иронией написала сестре в Москву, что зубры увели мужа и отца ее мальчика, но такие отцы сейчас не редкость, это невымирающие зубры...

У Ксешы между тем шла своя жизнь, шла в той оторванности от близких, когда человек сознает, что остался один и предоставлен своей судьбе. Тетя Уля — Ульяна Петровна Мельникова — умерла вскоре же после окончания Ксешей школы, комната ее перешла племяннице, как тетя загодя и об-

думала, и нужно было теперь как-то устроить свою жизнь. Ксеша поступила лаборанткой в Институт иностранных языков, стала попутно учиться английскому языку на заочном отделении, и Василий Порфирьевич Мамантов — громкогласный, размашистый человек, работавший в этом же институте методистом, — сразу обратил на лаборантку внимание, стал поджидать ее после работы и хотя и глумился со своим громким голосом и какой-то бесцеремонностью, то ли от ее одиночества, то ли он сумел убедить ее, она согласилась стать его женой. К счастью, однако, они не сумели обменять две свои комнаты на отдельную квартиру, хотя и пытались; Ксеша уже полгода спустя поняла, что в ее жизни получилось так же, хоть и несколько иначе, как у матери: совсем чужим оказался этот громкий, до удивления лишенный чуткости человек, и когда Ксеша сказала ему, что, видимо, у них будет ребенок, он жестко ответил: «Только этого не доставало... Нет, дорогуша, эта роскошь нам с тобой пока не по средствам».

Но в женской консультации, куда Ксеша, подавленная, направилась, добрая и сострадательная женщина-врач сказала ей: «Не советую, миленькая... Организм у вас сла-

бкая, Ксеша должна была скоро родить, находилась уже в отпуску; теперь она была дома одна, а Василий Порфирьевич все еще писал заявления куда-то, угрожал кому-то и разоблачал кого-то, и она стала уже совсем не нужна ему; но и он постепенно становился не нужен ей.

В родильный дом он, однако, пришел, принес цветы, издали посмотрел на красное личико девочки, сказал, что справится по телефону, когда жену выпишут, приехал в свое время за ними на такси, отвез Ксешу с девочкой домой, постоял в комнате, не раздеваясь, сказал коротко: «Я зайду», — оставил на столе тридцать рублей и, должно быть, решил, что отцовские обязанности выполнил. А две недели спустя, когда он все-таки пришел, Ксеша сказала ему:

— Не стоит утруждать себя... Ребенка хотела иметь я, а не ты, и я буду растить его, и мне ничего от тебя не надо.

— Верликодушно! — усмехнулся он. — А там мне еще дополнительно пришлют, что я бросил жену с ребенком.

— Почему же бросил? Мы просто по взаимному согласию расстались.

Он подозрительно посмотрел на нее, словно она была заодно с ректором института и его окружением, подумал, порылся

ДОЛГОТА ДНЯ

Вл. ЛИДИН

Рассказ

был, а ребенок поможет вам» — и, зная, наверное, почти стандартные ссылки на обстоятельства, добавила: «Вмешиваться в ваши семейные дела я, конечно, не могу, но в некоторых случаях женщина должна произнести и свое слово».

Василий Порфирьевич, когда она вернулась из консультации и сказала ему, что врач советует оставить как есть, тяжело покраснев, громким своим голосом заявил: «Нечего ей в чужое дело соваться!» Он совсем не думал о здоровье жены, да и раздражала она его, подурневшая, с коричневыми пятнами на лице.

В последнее время Василий Порфирьевич не упускал случая провести часок в хорошей компании, а компании и повод всегда находились; выпив, он становился еще более громким и бесцеремонным, и после того, как несколько раз явился на работу не в полном порядке, его пригласили в ректорат; в кабинете ректора находились заведующий учебной частью и секретарь партийной организации, и ректор вежливо, но безоговорочно сказал:

— Вы должны сами понять, что терпеть этого мы больше не можем... Преподаватель должен подавать студентам пример, а какой пример вы подаете?

Василий Порфирьевич налился кровью, как обычно, ответил вызывающе: «А что я совершил такого?» — но сам почувствовал, что прозвучало это жалко. Все молчали, а ректор смотрел мимо, и Василий Порфирьевич, направляясь к двери, сказал еще:

— Прошу иметь в виду, в случае чего — нет такой инстанции, куда я не обратился бы!

Но получилось это и совсем жалко; а когда дело дошло до инстанций, ему посоветовали уйти мирно, по собственному желанию, если он не хочет огласки.

в бумажнике, достал пятнадцать рублей, сказал, несколько внясив: «Мне сейчас туговато приходится, пока не восстановят на работе... а скорее всего в другой институт переидут», — но в его голосе не было, однако, обычной уверенности, и Ксеше стало даже жаль его немного.

— Не надо, — сказала она, возвращая деньги. — У меня пока есть, да и мама прислала.

Денег он все же не взял, постоял еще, думая о чем-то своем, а полгода спустя, когда в народном суде слушался их дело о разводе, сказал ей кратко:

— В общем, мы оба виноваты.

— Может быть, — согласилась она.

И не стало в ее жизни методиста Василия Порфирьевича Мамантова, не стало и отца Нюси, ее вписали в паспорт матери, — свою девичью фамилию Ксеша, выходя за мужа, сохранила, и теперь у и дочери была ее фамилия.

После окончания заочного отделения института Ксеша стала работать редактором в издательстве, выпускавшем книги на иностранных языках, девочку отводила сначала в детский сад, а несколько лет спустя пошла и школа. Ксеша, которую все давно называли Полликсеной Андреевной, стало уже двадцать восемь лет, и не раз, сидя вечером над рукописью или версткой, она откидывалась по временам на спинку стула, глядела перед собой в пустоту, и тогда приходили мысли о том, что наряду с благополучными семьями есть и несчастливые семьи, у которых все в разладе и непостоянстве, больше всего при этом страдают, конечно, дети, и у ее дочери, в сущности, та же судьба, что и у нее самой: отцовской руки она не узнает. Но девочка спала рядом, ее существование само собой решало все вопросы, и нужно было думать о будущем, а не оглядываться назад...

Рисунок Н. БОРИСОВОЙ.

Спускаясь по лестнице издательства, Ксеша встретила раз на одной из площадок высокого, пожилого человека. Он взгляделся в нее, сделал шаг в ее сторону, окликнул: «Ксешенька!» — и она близко увидела его глаза в страдальческом блеске.

— Неужели не узнаешь? — спросил он.

— Папа, — произнесла она неуверенно, и ей стало страшно, как исхудал и постарел тот, которого привыкла она видеть еще совсем статным на фотографии, знакомой с детства.

— Захотел повидать тебя... так захотел! — сказал он жалко и выжидательно, словно от него могли отвернуться, ответить: «Не зачем нам видаться» — или что-либо в этом роде. — Узнал, где ты работаешь, и вот пришел. — И она поняла, что он боялся прийти к ней домой, где могли его встретить отчужденно.

— Ну, что же, пойдём ко мне, — сказала она, скрывая внезапную душевную боль, — посмотришь внучку.

Они шли потом вместе по улице. На отца, несмотря на ноябрь, было совсем легкое пальто, только вокруг шеи обмотан был шерстяной клетчатый шарф.

— Может быть, тебе неприятно, Ксешенька? — спросил он, когда они подошли к ее дому. — Я не буду в обиде... во всем виноват только я.

— Не нужно ничего вспоминать. Заходи, папа, — сказала она, и он поднялся за ней по лестнице, и в комнате сидела в углу дивана с книжкой в руках девочка, его внучка.

— Это твой дедушка, Нюся, — сказала Ксеша. — Жил где-то далеко на Севере, а теперь приехал к нам.

Андрей Степанович снял пальто, размотал шарф, а девочка смотрела на него, и, должно быть, ей казалось странным, что этот худой, измученный человек — ее дедушка.

— А вы где жили на Севере? — спросила она вежливо.

— На плавучей льдине, — сказал Андрей Степанович. — Кружило, кружило, и трескалось подо мной, а кругом одни поляны.

Андрей Степанович говорил шуточно, но получилось невесело, и девочка, подумав, спросила:

— Вы полярник?

— Вроде этого. — И, наверное, он и вправду привик к холоду, если носит в ноябре легкое пальто...

Потом, когда в десятом часу внучку уложили спать, Андрей Степанович сидел с дочерью, пил с ней чай, и что-то глубоко душевное, несмотря на годы разлучения, соединяло их теперь.

— Покарала меня жизнь, Ксешенька, — сказал Андрей Степанович. — Должно быть, за тебя с твоей матерью покарала. Ничего я не нашел взамен вас, а сейчас бобыль бобылем и не нужен никому, а прийти к тебе не решался... Страшно было подумать, как ты можешь встретить меня по моим заслугам. Но ты жила в моей памяти, не мог я навсегда с тобой расстаться...

Андрей Степанович говорил глухо, как-то отрешенно, и Ксеша слушала его, опустив глаза, вода пальцем по скатерти.

— Не мог я навсегда с тобой расстаться, — повторил Андрей Степанович. — А для Галины Онуфриевны я уже давно как моль, да и другой человек у нее, а я вроде постояльца. Складная моя ковечка в коридоре стоит, хорошо, соседка добрая, не возражает, чтобы чужой человек на самом ходу спал.

Андрей Степанович развивал свиток своей жизни, не жалывая, а лишь изображая, и Ксеша было жаль его.

— У мамы тоже ничего хорошего не получилось, — сказала она: теперь уже нечего было скрывать от этого потрепанного, много испытывавшего человека. — У мамы тоже ничего хорошего не получилось. Не так-то просто найти в жизни нужное. — Но, говоря это, она думала и о себе.

Отец не спросил ее, почему она живет одна, — он, наверное, боялся услышать, что и у дочери не сложилось в жизни. И Ксеша сама сказала ему:

— С мужем я разошлась, разными людьми оказались. Может, у Нюси получше будет.

Андрей Степанович посмотрел в сторону спавшей внучки. Виден был только ее пушистый затылочек, а золотистые волосы были такие же, как и у дочери в свое время.

— Ты заходи теперь, папа, — сказала Ксеша, когда отец собрался уходить, а его складную ковечку, наверное, уже выставили в коридор, как для постояльца.

Ксеша сама не могла объяснить себе, как этого, казалось, навсегда ушедшего из ее жизни человека она ощутила близким, словно напомнившим, что не все уходит навек и даже самые роковые ошибки можно понять и простить, если хорошо призадуматься.

Два дня спустя Андрей Степанович пришел снова, когда Ксеша была еще на работе, и, вернувшись, она застала его, мирно читавшего Нюсю книжку, приплывшего откуда-то с расколосшейся льдины деда, размягченного и даже как-то уютного в их комнате; а на столе стоял принесенный им торт, и уж совсем странным было, что торт оказался «Трифельный», который Ксеша любила.

— Ты просто угадал, папа, — сказала она. — Мой любимый торт.

— А я и подумал так, — отозвался он, не пояснив, однако, почему подумал так; впрочем, многое было необъяснимым, и все же ничего необъяснимого не было: просто жизнь соединила два порванных ею же конца.

— Зачем тебе уходить куда-то из дома с утра? — сказала Ксеша раз. — Приходи к нам, станешь помогать мне, да и Нюся веселее будет дожидаться меня, я иногда задерживаюсь на работе.

Андрей Степанович ничего не ответил, сделал вид, будто озабоченно ищет что-то в кармане: он не хотел показаться дочери совсем потерянным человеком.

Когда-то Андрей Степанович хорошо выжигал по дереву, принес теперь старинный аппарат для выжигания с иглами и спиртовой, а вскоре и Нюся научилась водить раскаленной иглой по рисунку на фарерке, и получались цветы с тугими бутонами, если сильнее нажать на иглу. А к дню рождения Ксешы они с дедом втайне приготовили шкатулочку с цветами мака на крышке, шкатулочку для драгоценностей, которых пока не было...

— Я день твоего рождения всегда помнил, — сказал Андрей Степанович, — наверное, раз сто хотел послать тебе письмо или подарочек какой-нибудь.

— Со льдыни? — спросила Нюся. — Вот именно — со льдыни, — ответил Андрей Степанович, — именно со льдыни.

Они сидели втроем, отмечали день рождения Ксешы, шкатулочка с красивыми цветами мака на крышке стояла на столе, и теперь оставалось лишь наполнить ее драгоценностями. Это было тепло семьи, все же тепло семьи, хоть и нарушенной в свое время, но даже в разломке и опустошении все же тянется к тому, что так нужно человеку... Ксеша теперь все чаще думала о том, что мать сейчас одинока, у Михаила своя семья и следует понять, как грустно живет матери, следует понять и то, что, пусть с опозданием, она обращена мыслями к дочери, которую некогда отдала в чужие руки, хотя тетя Уля и была ее родной сестрой... Но можно ли навсегда сохранить в своем сердце обиду, отве-

тять злом на зло, и что же тогда остается человеку? Все же ни отец, ни мать не хотели, чтобы так получилось в их жизни, но война решила все по-своему.

Ксеша думала теперь и о том, что если бы из обломков крушения попытаться сбить хотя бы по подобие суденышка, которое еще плываает... И, словно отвечая ее смутным, совсем еще неясным мыслям, отец с Нюсей выжили раз на фанерке парусник, волнообразные линии под ним изображали море, вкось летело несколько птиц, наверно, чаек, а на корме было выжжено название парусника: «Ксеша» — они просто хотели почтить ее, отец и дочь.

И, выбрав время, когда отец и Нюся ушли в кино, Ксеша написала матери письмо, в котором как о чем-то обыденном, словно это не было никаким событием, сообщила:

«Мы сейчас втроем, разыскал нас отец. Мне его жалко, и как его судить через столько лет! Он совсем один и привязался к нам, да и я рада этому. Дорогая мамочка, может быть, ты приедешь в Москву хотя бы на недельку? Все-таки ужасно подумать, что родилась ты и жила всю жизнь в Москве, а теперь навсегда закинула тебя в другой город. Я про Барнаул читала в энциклопедии, город, по-видимому, хороший, но у Миши сейчас своя жизнь, а у его сына есть другая бабушка».

Она написала еще, что если мать решит приехать, то вышлет ей деньги на дорогу, а две недели спустя, получив ответное письмо из Барнаула, порадовалась вслух: «Как хорошо, мама собирается приехать в феврале в Москву!» — искоса посмотрела на отца при этом, его лицо стало на миг отсутствующим, словно он с испугом представил себе, какой может быть эта встреча через столько лет.

— Я так рада, что приедет мама, — сказала Ксеша. — Все-таки в Москве прошла вся ее жизнь.

Андрей Степанович снова не ответил: может быть, он думал о далекой молодости, о далекой любви, о поре, когда родилась дочь, которую в память его покойной матери называли Полиженой... жить бы им и жить всем вместе, но вторглась война, уже неделю спустя после ее начала оказался он в Каменец-Подольске, сразу же из страшного неба посыпались бомбы на железнодорожные узлы и станции, и пришлось диспетчеру проталкивать какие-то сверхсрочные составы со сверхсрочными грузами, проталкивать по путям, которые то и дело приходилось восстанавливать, а про железнодорожные мосты и говорить нечего... И сначала понесло его по дорогам войны, после войны — совсем по другим дорогам, а судьба жены с дочерью осталась только на совести, поднывавшей временами, как старая рана.

Ксеша зашла однажды в магазин мужского готового платья, продавщица помогла ей подобрать теплое мужское пальто, а деньги за одну выполненную работу пришлось как раз кстать.

— Ну-ка, померь, папа, — сказала она вечером отцу, вернувшемуся из булочной, — по-моему, должно быть тебе впору. — И она достала из гардероба пальто.

Он испуганно посмотрел на нее, но она спокойно объяснила, что пальто было когда-то куплено для мужа, но он и не надел его ни разу.

Позднее, когда Нюся уже спала, Андрей Степанович усомнился все же:

— А ты не обманываешь меня насчет пальто, Ксешенька?

— Ну, что ты, папа... Я давно собиралась отнести его в комиссионный магазин и теперь так рада, что не сделала этого.

Но Андрей Степанович, наверно, все-таки не поверил ей, только грустно покачал головой, а его легкое пальто Ксеша убрала, и утром Андрею Степановичу пришлось надеть новое пальто. Но он как-то совсем загрузил при этом, пальто было словно лишним укором его совести, и он хотел сказать дочери, но не решался, что ее сердце — это чудо и такое сердце он кинул когда-то в неизвестность...

Между ними, однако, было как бы уславлено, что незачем листать ту книгу, в которой столько горьких и несправедливых страниц. Отец у себя дома почти не бывал, его домом было теперь это найденное гнездо, здесь он оказался нужен, и здесь его согрели, а дотеле грустно поджидала его одинокая старость. Сейчас все уже шло размеренным порядком: утром отец отводил Нюсю в школу, а когда Ксеша возвращалась домой, все было готовлено, пригодились навыки обходившегося не один год без женской руки человека; спал отец хоть и на раскладушке, но вместе с ними в комнате, а не в коридоре, где соседка только по доброту, а может быть, лишь во избежание ссор терпела такое неудобство.

Мать приехала в начале февраля, и Ксеша встретила ее на Северном вокзале. В последний раз мать бывала в Москве около шести лет назад, когда перед женьбой сына хотела купить ему кое-что для семейного обеда. В ту пору еще появляющийся время от времени Василий Порфирьевич сказал развязно, знакомясь с матерью: «Не знал, что у меня такая бодрая теща» — и сразу стал неприятен ей.

Но теперь давно уже не была бодрой она, Анна Петровна, со своей больной печенью и со своими невеселыми думами, которые все чаще и чаще стали приходить в глухие сибирские вечера в Барнауле... Она глубоко сознала, что отдала в свое время дочь в чужие руки, и хотя была уверена, что Ксеше неплохо живется у сестры, все же дальше и дальше становилась она...

В последние годы с особенной силой вернулось все это, и теперь, на вокзале, Анна Петровна глядела на дочь сквозь слезы, узнавала ее маленькую, а в этой, встретившей ее, было многое незнакомо ей.

В такси Ксеша как бы между прочим сказала: «Папа теперь у нас помощник... Нюся его хозяйкой называет», — и было немножко странно и грустно все это, но и счастливо в то же время.

— Племянник твой Витенька совсем большой стал и такой самостоятельный. Может, соберешься к нам летом? — Но мать сама почувствовала, что говорит не о том, о чем хотела бы сказать.

Дочь промолчала, у нее были другие мысли, совсем тайные, впрочем, может быть, и несбыточные мысли.

Ксеша условила с отцом, что его к их приезду с вокзала дома не будет, придет он позднее, к семи часам, а на этот час она взяла билеты в кино для себя и Нюси. Она хотела, чтобы встреча матери с отцом произошла бы без нее, и они наедине могли бы вспомнить многое.

— Нюсенка! — сказала мать, войдя в комнату. — Какая же длинноногая ты стала... А кто я, наверно, и не знаю совсем. — Нет, знаю, — ответила Нюся, — вы бабушка.

Но сказала она это из вежливости, мать предупредила ее, что признает бабушка.

Анна Петровна сняла свои сибирские валеночки, свой сибирский шльчик из какого-то меха, и Ксеша с грустью увидела, ка-

кой сухонькой стала мать... Но это была мать, несмотря на одинокое детство.

Анна Петровна смотрела на дочь и на внучку, и словно проявлялся постепенно когда-то снятый негатив... Но человеческая жизнь — это не фотография, не запечатленное мгновение, это судьба и действие.

Анна Петровна сидела в комнате дочери, отогревалась в позабытом тепле, и незачем было вспоминать ни о чем плохом, просто хорошо, что они снова вместе и мать не спеша рассказывает о своем барнаульском житье: Михаил работает на станкостроительном заводе слесарем, недавно получил четвертый разряд, полутно на вечерних курсах учится на инженера, а Тоня, его жена, на том же заводе чертёжницей в конструкторском бюро, характер у нее жестковатый, прибрала Михаила к рукам, и он сам сознает, что мать осталась где-то в стороне. А Ксеша рассказала о своей работе в издательстве, она теперь не только редактирует чужие переводы, но и сама переводит понемногу, и некоторые ее работы уже печатались в журналах. Они горючили обо всем, только об Андрее Степановиче мать ничего не спросила.

— Ты извини нас, мама, — сказала Ксеша позднее, — у нас с Нюсей билеты в кино. К девяти будем дома, а ты разберись и отдохни пока.

— Идите, идите, — отозвалась мать: она, видимо, ни о чем другом не подумала...

В кино Ксеша с дочерью смотрели веселый фильм «Полосатый рейс», после сеанса пошли домой пешком, Ксеша хотела растянуть время, чтобы отец с матерью успели поговорить обо всем, и она застала их мирно беседующими за столом, чайник под грелкой-петухом стоял горячий, и все вместе пили потом чай, в кругу семьи, и словно не и разлучались никогда.

А когда девочку уложили спать, Андрей Степанович порассказал о войне, но скупо, война была связана и с Житомиром; а про Барнаул мать рассказала, что город разросся за последние годы, в нем много учащихся, и весной на скамейках бульвара только и видна молодежь с книжками, а на Оби и совсем прекрасно весной.

Родители расстались друг с другом выше четверти века назад, и буря войны пронеслась с тех пор с ее разрушениями. Время меняет облик человека, белил его волосы, иной раз изомет лицо, как пластилин; но есть нечто, неподвластное времени, и именно это стояло сейчас в их комнате, с чайной посудой на столе, со спящей на диване Нюсей и с двумя старыми людьми, грустно и недоумоно обращенными к прошлому с его роковыми ошибками и ко всему тому, что жизнь возвращает человеку обычно в виде обломков, но иногда и в виде робкой надежды еще что-то удержать в руках. И словно показывали в обратном порядке когда-то снятый фильм, все возвращалось, пусть грустно, пусть не так, как это было когда-то, но все же возвращалось...

Столь давно не была она, мать, в Москве, столь многое хотелось и вспомнить и увидеть заново, и Андрей Степанович по бывал с ней в Третьковской галерее, по бывал и на Ленинских горах, откуда видна вся Москва, город их молодости, в тонком снежном тумане, с темной, стальной лентой Москвы-реки. Мать захотела побывать и в Художественном театре, и Ксеша купила билеты на «Три сестры». Андрей Степанович принарядился, надел темный костюм с красивым галстуком, его новое пальто было на теплой стеганой подкладке, и в меховой шапке, которая делала его выше, он казался еще не старым, даже несколько эллантным; а мать надела черное шлюк-

вое платье, Ксеша дала ей свой красивый золотой кулон, который подарила когда-то тетя Уля, и мать, с золотой цепочкой на шею, чуть надутая, тоже казалась еще нестарой, скорее даже молодой. Оба несколько церемонно пошли в Художественный театр, словно молодые супруги, а вернулась мать заплаканной: может быть, судьба трех сестер, равнявшихся в Москву, напомнила ей и собственную судьбу, когда такой далекой казалась в Барнауле с его сибирской стужей Москва, таким далеким казалось все, что было в ее жизни когда-то, и даже дочь казалась далеко унесенной...

— Вот и я так же, — сказала мать с горечью, — вроде четвертой сестры... повидела Москву — и обратно, а двадцатого февраля я уже должна быть на работе. Так что до свиданья, дорогие мои, и когда теперь еще увидимся!

— А вы переезжайте жить в Москву, бабушка, — сказала Нюся добро. — Я с мамой могу спать на диване, а у нас есть еще одна раскладушка.

Анна Петровна ничего не ответила, смотрела на свою длинноногую внучку, на пучочек светлых, прихваченных белым бантом волос, и Андрей Степанович вдруг вспомнил, что оставил что-то в кармане пальто, вышел в переднюю, а мать плакала.

— Я, между прочим, узнавала у юриста, — сказала Ксеша как бы лишь для того, чтобы мать не чувствовала себя четвертой сестрой, — если бы ты действительно захотела вернуться в Москву, можно будет прописать тебя временно, а там посмотрим... Ты одинока, больна, с кем же тебе жить, как не с дочерью? А тесно, как сейчас, нам не будет: папа стоит в очереди на комнату, они ведь развелись, и комнату он непременно получит.

«Они» — это были отец и Галина Онуфриевна, которая уже давно сошлась с другим, не могла дожидаться, когда Андрей Степанович наконец уедет, и сама несколько раз ходила в районное жилищное управление справляться о жилой площади. Мать, может быть, думала о Ксеше то же, что думал и отец: это просто чудо, какое сердце оказалось у дочери, как могла она, Анна Петровна, расстаться с ней в свою пору... все же та росла без матери и выросла без нее, а с мужем, отцом Нюси, видимо, все кончено. Это было так

странно, что сейчас дочь вроде главы семьи, и беспомощные старики верят ее справедливости и надеются на нее. Но Ксеша и сама сознавала, что судьба их семьи вручена сейчас ей и нужно сделать все для того, чтобы удержать это.

Несколько дней спустя мать уезжала, Ксеша с отцом поехали проводить ее, а за Нюсей обещала присмотреть соседка.

Был метельный день февраля, и за перроном Северного вокзала, где начиналось сплетение путей, несло снег. Мать, в своих валеночках и меховом шльице, стояла возле ступенек вагона, смотрела на дочь и на Андрея Степановича, и каждый раз, встречая взгляд дочери, чуть отворачивалась, чтобы скрыть слезы, но они текли и текли. А на отце новое пальто было несколько артистически распахнуто у ворота, клетчатый шарф широко лежал вокруг шеи, он был еще совсем не старый, Андрей Степанович, теперь прибранный, и Ксеше казалось, что даже некая уверенность появилась в нем... Он не походил теперь на того, который ждал ее на лестнице издательства, может быть, опасаясь, что от него отвернутся при встрече.

— Так помни, мама, — сказала Ксеша, — приедешь в Москву к себе домой, а не на побывку... Тебе у нас плохо не будет, да и мне поможеешь немного. — Она не добавила: «А то ведь я всю жизнь одна».

— Боже мой, Ксешенька, — ответила мать, — да я бы и сама рада не знаю как... Разве я не понимаю своей вины перед тобой?

— Не нужно об этом, мама, — сказала Ксеша. — Просто незачем тебе быть четвертой сестрой, Москва не за тридевять земель для тебя...

Она говорила не только о матери, но и об отце, который стоял невдалеке, вглядываясь в снежную даль, но, наверно, представлял себе, о чем Ксеша может говорить сейчас с матерью, а это касалось и его судьбы.

— Буду думать, Ксешенька... Буду думать. Может, и вправду поживем все вместе. — И мать поглядела на нее, словно на старшую и лучше знающую жизнь.

Потом стали прощаться, мать протянула Андрею Степановичу руку, сказала строго: «А воротник застегни, нечего франтить!», и Андрей Степанович покорно стал застегивать воротник.

Ксеша с отцом постояли еще минутку на перроне, посмотрели вслед поезду, как бы вглядываясь в секущую снегом мглу.

— Летом поживем на даче, — сказала Ксеша. — Я второй год снимаю на лето комнату у одной моей сослуживицы... У нее есть еще одна маленькая рядом, а терраска прямо в садик. — Она уже видела свою семью на терраске дачи в садике с вишневыми и яблоневыми деревьями, а в знойный полдень можно растелить одеяло на лужку за садом, внизу бежит речушка, хоть и совсем мелкая, но со студеной родниковой водой. — А к осени, наверно, получишь комнату.

— К осени — наверно, — подтвердил отец. Они прошли по перрону Северного вокзала, потом через вестибюль с оленями на плафоне, и февральская Москва встретила метелицей... Но не все дано занести ей, теперь оба уже твердо знали это.

— Хлеб на утро я купил, — сказал отец. — А картошка кончилась, завтра съезжу на рынок, пока Нюся будет в школе.

Они больше ничего не сказали друг другу, спустились на станцию метро, а поезд в Барнаул шел тем временем и, пока они приехали домой, был, наверно, уже далеко от Москвы. Но дома отец сказал все-таки то, о чем, видимо, думал всю дорогу:

— Полагаю, Михаил не будет против... у него своя семья теперь.

— Конечно, — ответила Ксеша. — Зачем ему быть против? — И она не добавила, хотя и думала об этом и хотела сказать об этом: «А все — война!»

Конечно, если бы не война, не пришлось бы ей, Ксеше, сколачивать все заново, помогая двум старым людям, так много потерявшим и так малым нашедшим взамен потерянного, выбирать поистине излучины. И, наверно, лишь из гордости не решился Андрей Степанович сказать дочери, как она нужна ему, какое запоздалое счастье вошло в его жизнь и с этим счастьем ничего не страшно, а до этого было так страшно на пороге старости, так страшно.

— День-то как прибавился, — сказал Андрей Степанович, поглядев в предвечернее, еще полное света окно, — долгота почти девять часов теперь, я смотрел на календаре. На целый час за две недели прибавился.

И хотя это было лишь о времени года, Ксеша поняла ход мысли отца.

Страх

Говорят, у страха — ноги.
Значит, бродит у дороги,
Притаившись
Там, где тени
От заборов и растений?
Может, он сидит в кустах
Или прячется в лесах,
В темных и сырых углах?

Я искал его повсюду —
В тех местах,
Где ходят люди
И где нету никого.
Уходил я далеко,
Слушал шорохи в лесах
И глухие голоса.
Прыгал я в овраг с размаха.
Но нигде не видел страха!

Мне сказали:
В том все дело,
Что и страх боится
Смелых.

Пожар

Зацепило как-то
Солнце
На заре
За край болотца.
Но сказал сороке
Кто-то,
Что горит
В лесу болото.
И сорока на опушке
Всем кричит:
«Горят лягушки!»
Услыхал о том
Комар —
Полетел
Тушить пожар.
Прилетает на болотце,
А на кошке
Дремлет солнце.

Тем, кто любит плакать...

Если ты хочешь заплакать,
Если вообще
Ты любишь поплакать —
Значит, наверно, считаешь,
А может,
И точно ты знаешь,
Что нет ничего
Прянее слез,
Красивей,
Чем красный опухший нос.
Ты любишь те дни, очевидно,
Когда все на свете
Бывает обидно.

Но нужно признаться,
Что я не так.
Я знаю еще
И других чудиков.
И думаем все мы иначе,
А потому и не плачем.

Когда куда-нибудь приезжаешь, обычно спрашивают: «А какие люди на Хантайке?» Люди здесь, как и везде, разные. В приемной начальника строительства холодная секретарша, с подтянутым торсом, в белом воротничке, встретила меня так: «Смешно! Бросить благоустроенную квартиру в Дивногорске и ехать сюда почти на такую же зарплату. Нет, романтики отсюда все давно сбегали, тут работают люди, которым нужны деньги». Вскоре секретарша уехала, а романтиков стало еще больше. По крайней мере я к ним присоединилась...»

Это страничка из дневника молодого инженера Лии Долгобородовой. Я познакомилась с ней на стройке Усть-Хантайской ГЭС прошлой осенью, в дни перекрытия реки Хантайки.

Усть-Хантайская гидроэлектростанция — самая северная в мире. На две сотни верст вокруг ни жилья, ни дорог. Первый десант строителей во главе с прорабом Петром Васильевичем Туркульцом и первые грузы сюда прибыли самолетами. А сейчас, через 5 лет после того, как на Большом пороге было начато строительство, здесь вырос поселок Снежногорск. Наступают на тундру улицы Комсомольская, Спортивная, Молодежная, Гидростроителей, 68-я параллель. На высоких свайных фундаментах

стоят двухэтажные здания, у трех магазинов горят прожекторы, драгоценной россыпью светятся окна квартир. Как дорога эта россыпь, поймешь, пожалуй, лишь тогда, когда прочтешь одну из первых записей в Лиином дневнике:

«Только начинаем жить по-человечески. Пустыли котельную. В дома подводят тепло. Сдали еще один дом под общежитие. Осень, а на улице уже тридцать градусов мороза. Отопление еще не во всех домах. Мы замерзаем в квартире вместе с водой и картошкой. Я смотрю на своих, в комнате собрались на редкость разные натуры, но оптимистами оказались все. Без этого здесь делать нечего.»

С прошлой осени бурная Хантайка вошла в искусственное русло — трехсотметровый туннель.осушен котлован, началось возведение каменно-набросной плотины. Проходчики заканчивают выемку породы из огромного грота, где разместятся семь агрегатов электростанции. Но не только этим заняты здесь строители. Вот что записано в дневнике Лии:

«...Таня Анциферова, одна из старейших хантайчанок, работает инженером технического отдела. Однажды она пригласила меня посмотреть результаты одной своей важ-

ной работы. По Таниным эскизам столары изготовили деревянные игрушки для открытой детской площадки. Целый зверинец. Веселье ребятишки ездил на деревянных лошадках, поросятах, петухах. Таня тоже была счастлива.»

Детские игрушки, детские площадки — это вещи первой необходимости для Снежногорска. Средний возраст здешних жителей — 24 года. Только за два последних года в Снежногорске появилось двести молодых семей. Ежемесячно рождается десять уже коренных снежногорцев. Так что теперь из девяти тысяч жителей полторы составляют дети.

Эти цифры мне с гордостью сообщила председатель поселкового Совета М. Лунева. От нее же я узнал, что в Снежногорске работает несколько детских комбинатов, а кроме обычных школ, есть еще и музыкальная. ...А Лия пишет:

«Как пахнут здесь цветы! В Дивногорске они без запаха. Те же жаркие, ярко-оранжевые, шелковистые, растущие на склонах Дивных гор, славятся лишь своей яркой внешностью, а здесь — пахнут. Очевидно, природа за короткое лето использует все свои возможности, напрягает все силы. Здесь за жизнь нужно особо бороться.»

Виктор Иванович Борисов, начальник строительства ГЭС, на текучесть кадров не

ПОД САМОЙ ПОЛ

● Техник-гидролог Раиса Ачиколова.

▲ ● Люда Гайкалова работает на строительстве основных сооружений Усть-Хантайской ГЭС.

жалуются: основу коллектива строителей составляют те, кто приехал сюда в числе первых.

— Конечно, большинство снежнорцев прошло отличную школу на сооружения Мамаканской, Вилюйской и других северных гидроэлектростанций, так что северные суровости для них не новинка. Но я считаю второй немаловажной причиной прочности коллектива то, что, приглашая рабочих на основные специальности, мы отдавали предпочтение семейным. Конечно, с семейными больше хлопот. И строительство жилья и бытовое и культурное обеспечение приходится вести из расчета на семью. Кое-где считают это невыгодным. А мы считаем иначе. Правда, пришлось построить многое, что сначала не значилось в проектом задании на строительство Усть-Хантайской ГЭС: молочный завод, колбасный цех, парники, телецентр. Минувшей осенью мы пошли и на такой эксперимент: завезли в Снежногорск сто коров. Ничего, прижились. Получаем по пятьсот литров молока за сутки — прежде всего для детских садов, школ. Затраты? Хлопоты? Да! Но женщины-матери, видя, что мы, несмотря на северные трудности, стремимся дать все возможные удобства, ценят это. И именно семьи кадровых строителей цементируют коллектив.

Далеко Снежногорск. Суровый здесь климат. Не зря именуется он отдаленным рай-

оном, даже письма и газеты иногда не приходят неделями в поселок из-за скверной погоды. И все-таки не чувствуют себя здесь люди оторванными от Большой земли. Вот еще одна запись из дневника Лии:

«15 декабря в стране День поэзии. Со мной работает москвичка Тамара Константиновна Шевцова, зовут ее просто Том. В брюках, куртке, шапка на носу, походка мальчишеская. Она сказала: «В Снежногорске тоже нужно что-то придумать». Многие отнеслись к этому скептически: «Нет талантов, голосовых данных...» А Том упрямо заладила: «Будет вечер поэзии в Снежногорске! Одна буду выступать, а вечер будет!» И вот мы с ней в двенадцать ночи тапаем по узкой тропинке в снегу через реку: с одного берега Хантайки, где находится клуб, на другой — к себе в общежитие. Нет у нас с ней ни вокальных, ни декламаторских данных, а решили: и читать будем и петь будем. Энтузиазм рождает все остальное. Вечер начали пунктуально и интеллигентно, как в академическом театре — ровно в 19.00. После ноктурна и революционного этюда Шопена в зал «вошел» Маяковский: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают, значит — это кому-нибудь нужно!»

Затем — стихи, стихи, стихи и песни. На другой день все ходили какие-то просветленные и смотрели на нас благодарными глазами. А может быть, нам казалось?..»

Скоро полным ходом развернется строительство нового Снежногорска. Это будет город под стеклянным куполом. И будут в нем и сады, и бассейны, и свой климат, и свое солнце. Но звезда, которая сияет над ним, останется все та же, Полярная.

«Помню, искали Полярную звезду. Долое не могли найти. Сообразили: она ведь над нами. Ходим под самой Полярной звездой! Решили, что остальным должно быть завидно. 7 января на горизонт выкатился красный диск, мы все выскочили смотреть. Это было солнце — конец полярной ночи. Солнце ярко искрилось в окнах, на стенах домов. А потом примостилось на спине низко летящего самолета.

...А зима совсем не страшна. Был у меня Дивногорск — теперь Снежногорск. Построим ГЭС и где-нибудь опять начнем вбивать колышки, закладывать новый Неизвестногорск...»

Строители самой северной в мире ГЭС решили пустить агрегаты станции в 1970 году, ко дню столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Вспыхнет новая звезда, яркая и негасимая, в северной короне нашей страны. Потому что «Снежногорск — невозможное стало возможным...», как поется в песне строителей заполярной Хантайки.

Б. ИВАНОВ

пос. Снежногорск,
Красноярского края.

ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

● Галия Захарченко — геодезист, а геодезисты раньше всех видят будущие улицы и площади.

▲ Одна из создательниц туристского клуба «Хантайка» — инженер-строитель Елена Соколова.

● «Ну и мороз!» Инженер Людмила Гулина.

Фото автора.

«КОМСОМОЛКА СУДОПЛАТОВА»

Молодые стояли перед секретарем сельсовета. И когда был задан необходимый в такой ситуации вопрос, берет ли жена фамилию мужа, к столу протиснулся отец невесты и, не давая дочери открыть рта, выпалил:

— Пиши: оставляет свою. На что ей с ней расставаться? Под ее фамилией по Волге баржа ходит!

И секретарь почтительно взглянул на невесту, имя которой только что записал в толстой конторской книге — Татьяна Дмитриевна Судоплатова.

Танька Судоплатова — девчонка из поселка Большое Окулово, дочка рабочего судовой верфи, фезеушница, потом сварщица, как же вышла она в знаменитости?

...Таня уже два года работала на верфи, когда вызвал ее комсомольский секретарь Федя Терентьев и сказал:

— Слышала, какое дело на заводе застряло? От клепки хотим отказаться, что такое клепка, объяснять тебе не надо...

Да, не надо. Ее отец Дмитрий Алексеевич Судоплатов клепальщик был видный, и поручали ему обычно клепку днищ судов. А судно стояло на стапеле низко. Бить молотком по заклепкам приходилось сидя на ящиках, а чаще лежа на земле. И отец возвращался с работы вконец разбитый, оглохший. Прежде чем садиться за стол ужинать, подолгу отлеживался и только через час-другой приходил в себя.

— На сварку переходим, — продолжал Федя. — Цельносварную баржу закладываем, понимаешь? Нигде в мире такого пока нет. Мы вот прикинули и решили: надо тебе возглавить бригаду сварщиков.

В бригаде их было десять. Восемь девчонок — вчерашних фезеушниц, их ровесник Саша Гришуткин и Александр Артемович Мочалов — старый судосборщик.

...Варили потолочные швы. Судно стояло под открытым небом, и февральский ветер пронизывал до костей. Мерзли руки, ноги, лицо. Таня лежала на лесах под самым потолком, варила последний шов. Негнущиеся пальцы с трудом держали щиток. Вылетал то и дело электрод, она снимала рукавицы, вставляла новый и опять варила. Девчонки минут десять назад ушли погреться в теплушку, чертыхнувшись и ушел за ними Саша Гришуткин. Таня осталась

одна. Нет, пока не доварит этот шов, не уйдет.

Когда спустился вниз, ныла спина и руки были совсем не свои. Провела ладонью по лицу, ладонь стала мокрой. Мимо пробежал парень с соседнего участка, остановился.

— Ты что ревешь?

А на другой день Таня услышала чашку:

Комсомолка Судоплатова
Баржу строила, сама плакала.

Все допытывались потом:

— Тань, ты что, вправду плакала?

— Да ну вас! — отмахивалась Татьяна. — Придумали тоже!

Но когда наступил тот день, самый значительный в ее жизни, она действительно плакала.

Митинг подходил к концу, и тут пожаловала московская кинохроника. Таню водили по барже, просили покрутить штурвальное колесо, спуститься в машинное отделение и без конца снимали, снимали. Кто-то сбежал в магазин и принес бутылку шампанского: киношникам дозарезу нужен был эпизод с разбивающейся о борт бутылкой. Наконец, Таню поставили на берег, и оператор уже собирался снять коронный кадр: лицо девушки крупным планом, а за ней часть баржи с четкой надписью на борту — «Комсомолка Судоплатова». Но тут по лицу героини потекли не предусмотренные сценарием слезы, и в кадр вошел отец Тани, протянул ей платок. Она стояла, спрятав лицо в охапке июльских цветов, чтоб никто не видел, как плачет «железная» бригадирша.

После окончания всех торжественных церемоний баржу отбуксировали к достроенной стенке, Танину бригаду катили на катере по Оке. А поздно вечером, в сумерках, Таня с отцом возвращались домой в Большое Окулово, на улицу по имени Поселок, где жили они всю свою жизнь.

Дмитрий Алексеевич немножко вы-

пил на торжествах и сейчас, по дороге, все пытался сказать речь, которую на спуске баржи ему так и не удалось произнести.

— Таня, — ловил он руку дочери, — послушай, что я тебе скажу. Ты винки в свою фамилию: Судоплатова, — тянул он по слогам, — уяснила? Самая что ни на есть судостроительная фамилия. А откуда она у тебя, эта фамилия? Вот я и говорю...

Дмитрий Алексеевич Судоплатов еще до революции начал работать на Мордовщиковской судовой верфи. Помнит, строили раньше суда: «Екатерина Великая», «Ольга Премудрая», «Княжна Ярославна». Потом, после семнадцатого года, стали провозить со ступелей не «царицы» и не «княгини» — «академиков», «писателей», «художников»... Дмитрий Алексеевич понимал, что советские люди, чьи имена уносят в плавание корабли, живут и работают не покладая рук, так же как он сам, и все же было в них для него что-то недоступное. Он никогда никого из этих писателей и ученых не видел живыми, а только рассматривал их портреты на агитплакатах. Поэтому, когда узнал, что имя его дочери дают новой барже, да не какой-нибудь, а первой в мире цельносварной, растерялся.

И сейчас, шагая с ней рядом, нет-нет, да и поглядывал на нее с удивлением: ведь не княжна, не академик, а всего лишь газосварщица, синемлазница, отчаянная, по его отцовскому разумению, девка. И на тебе — корабль «Комсомолка Судоплатова».

...Осенью баржу «Комсомолка Судоплатова» провозили из затона. Ее пригнала государственная комиссия, на флагштоке взвился красный флаг, и баржа начала навивать биографию.

В день ее провозов Таня отпросилась у мастера пораньше. Снова на берег были торжественные речи, опять работали киношники. Таню искали всюду и не могли найти. А она сидела на берегу затона, в ста метрах от митингующих, и ничего не слышала. К барже подошли два катера, взяли ее на буксир и потянули к Оке. Таня встала и пошла вдоль берега, чтобы подалее проводить свою баржу. Но тут кто-то окликнул ее. Оглянулась — на дороге высокий парень с велосипедом — Сашка Лапин, свой, окуловский, с Гусиной улицы, раз-

матчиком работает в кузнечном цехе.

— Садись, подвезу, — сказал Сашка.

Дорога петляла меж стогов. Баржа то пропадала из виду, то снова появлялась. Вот она последний раз показалась из-за поворота и вошла в Оку...

— Пойдем теперь пешком, — сказала Таня Сашке.

Поженились они в тридцать девятом году. Таня тогда училась на курсах нормировщиков в Ленинграде и приехала в Окулово на каникулы. А еще три года спустя, в сорок втором, шли Татьяна с Александром той же дорогой вдоль загона, по которой когда-то впервые шагали рядом.

Александр Лапин уходил на войну. Но ни он, ни Татьяна не думали, что идут они вместе в последний раз.

Когда, проводив мужа, Татьяна Дмитриевна возвращалась на завод, навстречу ей строем шагали незнакомые девочки. Татьяна Дмитриевна постояла, посмотрела им вслед, наверное, пришлось пополнение из школы ФЗО. После смены ходила в комитет комсомола, узнала, что это и вправду бывшие фезенишцы-сварщицы, а на другой день пришла к ним.

— Девчата, где ваш бригадир?

— А на что он вам? — поинтересовалась маленькая, в беленьких кудряшках девочка.

— Хочу к вам на работу.

— Ой, тетя, ничего не выйдет, у нас ведь комсомольская бригада.

— Так и я тоже комсомолка.

В бригаду ее взяли. И с того дня нормировщица Судоплатова, отработав положенное в конторе, шла на стапели и по несколько часов варила швы...

Похоронку принесли прямо на завод. «Сержант Лапин погиб смертью храбрых...»

Она до сих пор не может понять, как смогла встать на следующее утро, пойти на завод, а вечером снова отправиться к своим девочкам-сварщицам. В те дни она помнила одно: что должна быть крепче других.

Вскоре после войны прошел слух, что нет больше на Волге баржи «Комсомолка Судоплатова», что пропала она без вести.

Татьяна Дмитриевна написала письмо министру речного флота. Из министерства ей ответили, что цельносварная баржа в 1945 году подорвалась на мине под Сталинградом. После войны ее подняли и отремонтировали, но дали другое название. Теперь баржа именуется просто «Комсомолка».

Никому на верфи не показала она это письмо...

* * *

Есть на судовой верфи музей. Собраны там фотографии почти всех родившихся

здесь судов. Висит и снимок баржи «Комсомолка Судоплатова». Внизу стоит дата: 1935 год. Останавливаются у снимка молодые девушки и парни, которые недавно поступили работать на завод и впервые пришли в музей.

— Кто такая Судоплатова?

— Бывшая комсомолка, она и сейчас работает у нас на заводе.

Две девочки оказались особенно дотошными. После музея направились в комитет комсомола. «Расскажите про Судоплатову. За что ее имя дали кораблю?» Не узнав, начали разыскивать Татьяну Дмитриевну и вечером зашли к ней домой. Просидели до ночи. И, наверное, не нужно говорить, что унесли они в душе после этой встречи...

Я вспоминаю дни, когда на заводе закладывали баржу «XV съезд ВЛКСМ». Был митинг. Пришла на него и Татьяна Дмитриевна. Рассказывала о своей бывшей судоплатовской бригаде, своих девчатах — Марусе Бандиной и Марусе Шмаковой, о каштуне, которую придурили парни с соседнего участка. Как ее слушали! Я стоял вместе со всеми и думал, что если плавать еще до сих пор первая цельносварная баржа, то нужно вернуть ей имя, написать рядом со словом «Комсомолка» так, как было: «Судоплатова».

В. КОЧЕТКОВ

г. Горький.

Я ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

Музыка А. ФЛЯРКОВСКОГО

Слова Э. УРАЗБАЕВОЙ.

Я ищу человека:
Синеглазого, среднего роста.
Я ищу человека,
Чтобы было легко с ним и просто.
Я ищу человека,
Чтобы был он такой же, как я,
Как нехитрая песенка,
Как нехитрая песня моя.

Мне уже скоро тридцать,
Но порою мне снится
ночами,
Что лечу я, как птица,
И что нет ни тревог, ни печалей.
Только небо искрится,
И два сильных крыла
возника,
И слепые, как счастье,
И слепые плывут облака.

Ну, откликнись скорее,
По каким ты шагаешь
дорогам?
Может быть, я согрел
Твой ночлег и седые тревоги.

Позови! Я сумею
Целый мир отшагать
за тобой,
Чтобы ты называл меня,
Называл меня тихо женой.

Ну, откликнись скорее,
По каким ты шагаешь
дорогам?

Не спеша, Срединночашно

Я и-щу че-ло-ве-ка, ра-во-ста, до-ст, сред-но-го
рос-та. Я и-щу че-ло-ве-ка, что-бы бы-ло до-ст, по-сто, и про-сто. Я и-щу че-ло-ве-ка, что-бы был он та-кой же, как я, как не-хи-тра-я пе-сен-ка, как не-хи-тра-я пе-сня мо-я.

Где выхожу
Где захожу

По-знай! Я су-ме-ю
целый мир от-ша-гать за то-бой, что-бы ты на-зы-вал ме-ня, на-зы-вал ме-ня

ти-хо зо-во-у. Ну от-клик-нись ра-нее, по-ка-ки ты ша-га-ешь до-ро-гам?

ЭЛЬМИРА УРАЗБАЕВА — ЧИТАТЕЛЬНИЦА «ПОДУРЖКИ»

Вы удивились, что я стала петь песни на свои стихи? Но ведь я стихи писала всегда, с детства. А запела неожиданно — когда окончила школу при Ленинградской консерватории по классу фортепиано и продолжала музыкальное образование в Москве, в школе имени Гнесиных, одновременно поступив на филологический факультет МГУ. На третьем курсе университета я переехала на заочное отделение и уехала на гастроли с Узбекским эстрадным оркестром.

Первые песни на мои слова никто из вас не заметил (это были переводы: «Аманганские яблоки» и другие). Однажды я показала свои стихи композитору А. Флярковскому, и он написал две песни: «Я ищу человека» и «Шли на фронт девочки». Теперь я готовлю программу из песен, написанных на мои стихи композиторами А. Флярковским, А. Султановой и А. Зацепиным.

Принято, что «особы женского пола» (а значит, и вы) могут оставаться в головных уборах в учреждениях, кафе, музеях, кинотеатрах. Но нам кажется, что воспитанный человек прежде всего должен выяснить, не мешает ли его шляпа соседям, не заслоняет ли экран. Если мешает — снимите и не делайте из этого проблемы. Для мальчиков «шляпный вопрос» сейчас менее актуален, почти все они предпочитают обходиться вовсе без головных уборов. А вообще им полагаются обязательно снимать шапку, даже на минуту заходя в дом и в любое общественное место, кроме магазинов, разумеется. Больше того, они снимают или хотя бы приподнимают головной убор, когда здороваются со старшими и с девушками.

* * *

«Должен ли парень обязательно носить сумку своей спутницы? По-моему, здоровый парень с дамским ридикольчиком выглядит просто смешно».

Наташа Т., г. Воронеж

Взять из рук пожилого человека или девушки чемодан, хозяйственную сумку, авоську с картошкой — это реальная помощь сильного более слабому. И тут уж не важно, что это за сумка, «женская» или «мужская», что же касается изящных сумочек и портфельчиков, то девушка вполне справится с ними сама. К тому же сумка — немаловажная деталь ее туалета.

* * *

«Мы всем классом ходили в кино и зазорили, нужно ли девочкам снимать там головные уборы? Или это обязательно только для мальчиков?»

Оля, Наташа, Римма, г. Москва

коммутеров в учреждениях. Не отвлекая их, не задерживай: время их дорого.

Вы говорите по телефону-автомату и видите, что у будки собралась очередь. Не поврачивайся к ней слитной, поспешно окончи разговор. Но и онидационно не стоит бесцеремонно стучать кулаком в будку, открывай дверь и всечески проявляй свое нетерпение. Может быть, разговор жизненно важен, может быть, от лишней минуты, лишнего слова зависит очень многое!

Принято, чтобы разговор прерывал тот, кто набрал номер. Но и вызванный может вежливо сказать, что по той или иной причине спешит закончить разговор. Только надо при этом обязательно объяснить причину («Я уже в пальто, собрался уходить» и т. д.) и, конечно, извиниться.

Несколько слов о телефоне соседей. Старайся пользоваться им как можно меньше: ведь своими разговорами ты мешаешь людям отдыхать, работать. Когда дело не терпит отлагательства, разумеется, никто не будет в претензии, а вот фансом нового платья или вечерний танцевальный вечер забудь с подружкой при встрече. А уж давать знакомым соседский телефон без исключительно важной причины — верх бесцеремонности. Не обижайся, если получишь отказ.

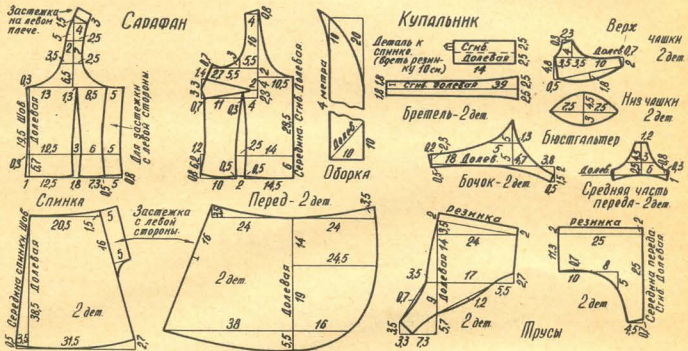
Алло, алло!

— Алло! Мне Катю...
— Нет ее.
Не правда ли, «любезный» разговор? Не лучше ли попросить все сначала:
— Здравствуйте. Попросите, пожалуйста, Катю.
— Здравствуйте. Катю нет дома. Что ей передать?
Или:
— Здравствуйте. Передаю трубку.

Говоря по телефону, ты не видишь своего собеседника. Но это вовсе не избавляет тебя от необходимости быть вежливой. Трубку сил неизвестный тебе человек. Ты рассчитываешь, что он окажет услугу, разыщет твою приятельницу, позвонит тебе по телефону. Так об этом надо попросить, а не приказывать. И поблагодарить за ответ, если подружки не оказалось на месте.

Во всякое время удобно для телефонного разговора. Конечно, ты не будешь звонить знакомым рано утром, поздно вечером и тем более ночью, если речь не идет об особом, чрезвычайном деле. Не будьешь попусту, просто чтобы поболтать, звонить подружке на работу.

Будь всегда вежлива и немногословна, разговаривая со служанками телефонных станций,

МОДА НА ПЛЯЖЕ

Лето, каникулы, отпуск... Никак нельзя без купальника и легкого сарафана. Что же выбрать из предложенных мод?

Если действовать по принципу «лишь бы модно!» — результаты могут получиться самые жалкие. Пример? Пожалуйста! Все мы видели зимой и весной девушек в коротеньких пальтишках, тяжелых теплых сапогах и... ажурных белых чулках. Смотрите, чтобы не получились такой же безвкусной мешанины летом! То, что

хорошо на отдыхе, на пляже — яркие краски, смелые вырезы, юбки выше колен, — совсем не подходит для городской улицы и тем более для работы.

На фоне яркой зелени, солнца, пляжа красиво и естественно выглядят сочные, насыщенные цвета: красный, синий, оранжевый, желтый, малиновый, ослепительно белый. Силуэты платьев популярнее, расширенные книзу. Линия талии не подчеркнута, завышена или, наоборот, занижена — кому как идет. Вырезы небольшие, а вот руки от-

крывают высоко (за счет завышенной проймы).

Художники СХИБ предлагают вам два летних сарафана и купальник, сшитые из плотной хлопчатобумажной ткани (сатин, бязь, «Рая», «Росинка», набивной лен), размер 48-50.

1. Неотрезной полуприлегающий сарафан. Заниженная линия талии подчеркнута широкой полосой из отделочной ткани. Такой же тканью отделана горловина, проймы и юбка.

2. Сарафан, отрезной ниже талии. Полуприлегающий силуэт создается длинными вы-

тачками, расположенными ближе к боковому шву. Верхняя, отлетная часть юбки отделана оборкой, переходящей на подол. При движении юбка «летит», придает фигуре легкость, стремительность. Удобный, двубортный крой не дает юбке расходить и открывать ноги. Из той же ткани шит личини и маленькие, плотно облегающие трусики. Бретели сшиты вместе с верхней частью личини, это создает красивую форму выреза.

О. БЕЛКИНА

ПОДРУЖКА

«СОГЛАСИЕ СТОРОН НЕ СОСТОЯЛОСЬ»

Грузчиков поймали с поличным. В проходной у них было изъято ворованное молоко. Последовал акт, а затем и приказ: уволить. Другим приказом — за попустительство ворам — перевели в подсобницы работницу Ф. С. Смирнову.

«Дорогая редакция!

Никогда не писала я писем, но теперь мне очень хочется высказать свою обиду. Я работаю на Торжокском головном маслозаводе, аппаратчицей в цеху цельномолочном цехе. Прежде ко мне не предъявляли никаких претензий. Наоборот, мне давали премии за хорошую работу. И вот произошел этот случай.

Я была занята у пастеризатора, наверху, когда в цех зашел грузчик и взял из ящика бутылку молока. Помешать ему я не могла, так как нельзя было отойти от аппарата. Кстати, мы не раз завляяли администрации, что наш цех, как проходной двор, — всякий может войти и вынести все, что захочет. Но тут администрация решила, что именно я попустительница ворам. Через несколько дней был вывешен приказ о переводе меня сроком на месяц на работу по первому разряду. Иначе говоря, подсобницей, а ведь я раньше всех пришла в этот цех, когда его только открыли. Осваивала новую аппаратуру, развиваемочную линию. Ездил в Вышний Волочек на молокозавод учиться у опытных аппаратчиц, а потом сама обучила несколько человек. Помню, первые месяцы, когда машина была не налажена, часто задерживалась в цехе на ночь: лишь бы не оставить горюх без молока. Два года у меня не было никаких проступков, ни разу не испортила продукцию. Уважение, казались, заслужила, профгруппоргом меня в цехе избрала.

И вдруг — на тебе: «За самовольную раздачу молока посторонним лицам...» А все это из-за того лишь, как я понимаю, что не поладила с мастером Галиной Никитичной Смирновой. Не раз вступала с ней в спор, и она говорила, что это мне даром не пройдет. И вот теперь случай подвернулся...

Не смогла я больше работать в этом цехе, подала заявление о переводе в сыр-цех. Спасибо новому коллективу, они приняли меня душевно, а то у меня было такое состояние — хоть беги на край света.

Дорогая редакция, мне от администрации ничего не нужно, но помогите мне разобраться в самой себе. Может, нужно мне было лучше молчать, чтобы быть хорошей, но это не в моем характере. Может быть, совсем уйти с завода: ведь работать можно в любом другом месте. А может быть, меня правильно наказали за мой проступок, хотя и не чувствую за собой вины. Объясните тогда мне, пожалуйста, в чем моя вина.

С уважением, СМЕРНОВА Ф. С. »

Вот такое письмо. К нему приложен протокол заседания комиссии по трудовым спорам. Кончается протокол словами: «Согласие сторон не состоялось».

Некоторые строчки протокола настораживают. Такие, например:

«Вопрос представителя профсоюза представителю администрации: работница Смирнова Ф. С. является профгруппоргом цеха. Почему не поставили в известность завком? Ответ: Видимо, не знали».

Чего именно «не знали», я не понял. Не понял и другого: если человека наказали переводом на нижеоплачиваемую работу сроком на месяц, то отчего спор о справедливости этого наказания происходит через три недели после того, как подана жалоба, и всего лишь за неделю до истечения срока наказания, то есть тогда, когда уже и спорить вроде бы не о чем?

Приехав в Торжок, я задал эти вопросы представителю завкома в комиссии по трудовым спорам Н. Анисимову.

— Что поделаешь? — развел он руками. — Постоянного представителя администрации в нашу комиссию не выделяли. У нас с профсоюзом не очень-то считаются...

Потом я попал в цельномолочный цех и вскоре убедился, что эпизод с бутылкой молока — лишь отблеск давнего несогласия, которое было между однофамильцами: мастером Галиной Смирновой и профгруппоргом Фанной Смирновой.

— Я с них спрашиваю — оттого и недольных, — говорит о своих подчиненных мастер. — Я с них требую — вот они и жалуются. Я отвечаю за план и качество...

Странное складывалось впечатление. Будто ответственность за план и качество не лежит на коллективе, а всей своей тяжестью давит только на «руководящие плечи» Галины Смирновой.

«Я лицо материально ответственное», — любит повторять она. Это верно. Но, кроме ответственности материальной, существует еще и другая — моральная ответственность за дела цеха и завода, которую каждый рабочий, имеющий совесть и честь, не может не делить с мастером, со всем коллективом.

Именно поэтому, видя нарушение технологического процесса или еще какой беспорядок, наш рабочий человек не остается равнодушным, он предлагает свой выход, высказывает свое мнение. Борется, требует исправления неполадок. Но мастер Смирнова всякую критику принимает в штыки, на всякую просьбу отвечает отказом, всякие проявления рабочей инициативы встречает ворчанием и недобржелательством. Ни один человек в цехе не сказал мне доброго слова о мастере Галине Смирновой. «Подозрительная», «недоверчивая», «заносчивая», «грубая, разговаривает так, что работать охоту отбивает», «и не похвалит никогда, обязательно найдет, к чему придраться» — вот такие мнения.

А, например, о другом мастере того же цеха, Н. Я. Калыниной, — в один голос:

— Настоящий человек. Строга, но справедлива.

Выходит, не по строгости и требовательности, как уверяет Г. Смирнова, проходит грань различия между мастерами, а по умению и неумению, желанию и нежеланию подойти к людям, прислушаться к мнению рабочего человека.

Мало-помалу в цехе обозначались два «полюса»: на одном в одиночестве — мастер Г. Смирнова, на другом — коллектив и его профгрупп Фанна Смирнова. Не стеснялся и не робел, высказывала она то, о чем другие обычно помалкивали. Беспорядок в цехе, грубые выходы мастера, неуважительная форма обращения с работницами — все это было темой неоднократных споров профгруппа и мастера. Слова Фанны были тем более авторитетны и весомы, что она сама работает отлично. Лучшее доказательство, что работник она надежный, опытный, — то, что мастер Галина Никитична скрепя сердце старалась назначить ее именно в свою смену.

И вот этого опытного, но, по мнению мастера, чересчур ершистого работника администрации вдруг щелкнула по самолюбию и по карману. За что? «Вина» Фанны Смирновой ничем не подтверждается.

Нет, причиной наказания была совсем не бутылка молока, а «строптивый» характер профгруппа. Администрация уверяет, что «на примере Смирновой» хотели «воспитать» остальных. Но никто в цехе не считает наказание Фанны справедливым и заслуженным. Авторитет ее в коллективе несколько не пострадал.

Когда Фанна впервые заступила на смену подсобницей, аппаратчица Валентина Степанова, с которой ей выпало работать, заводилась:

— Что ты, что ты! Как это я с тобой за старшую стану? У тебя третий разряд, у меня второй, да и опыта такого нет. Давать уж, как обычно...

И работали, как обычно. Только зарплату Фанне начисляли как подсобнице. Не велика потеря за один-два месяца. Но велика обида. Ущерб, ведь он тоже, как и ответственность, может быть не только материальным, но и моральным. И нанесен он вовсе не одной Фанне Смирновой, а всему коллективу.

Завком не защитил своего незаслуженно обиженного активиста, профсоюзного организатора цеха (кстати, теперь, когда Фанна перешла в другой цех, в цельномолочном так и нет профгруппа).

Удивительно ли, что упал авторитет завкома, что с ним «не очень-то считаются»?

Работницы, рассказывая мне о наболшем: нет столовой, отсутствуют бытовки, разряды не повышают, на мой вопрос: «Почему они не обратятся с этим в завком?» — только рукой махали.

— Что вы... От нашего завкома ничего не дожделось...

А была ли у завкома возможность поступить иначе? Да. Как сказано в «Положении о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза», завком имел право отменить решение комиссии и вынести решение по существу трудового спора. Но именно от такого решения по существу завком и его председатель Р. Г. Бобовская уклонились. Итак, пока «согласие сторон не состоялось». Что ж, вообще споры возможны. Но в данном случае за одной из «сторон» стоит мнение всего коллектива цеха. Со столь авторитетной «стороной» надо бы поискать согласия.

КЛУБ ОБЩЕСТВЕННИКОВ

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ ОСНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О

Брачный союз, семья, дети... Это касается всех и каждого. Наше Советское правительство решило всенародно обсудить проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. Коллективный разум поможет создать справедливые и полезные для общества законы.

Вопросы брака, семьи, положение одиноких матерей (как бы хотелось, чтоб это слово исчезло, потому что в нашем Советском государстве не должно быть одиноких людей), вопросы морали обсуждались на страницах центральных газет, на страницах «Работницы» целую вереницу лет. Мнение общественности было учтено комиссиями законодательных предложений Верховного Совета СССР, которые работали над законопроектом.

Проект Основ законодательства отражает заботу социалистического общества о достоинстве человека, о его счастье, о дальнейшем укреплении семьи, о воспитании и благополучии детей. В нем записано то, что выработано, выверено жизнью, испытано практикой многих лет. Но есть и целый ряд новых положений. Жизнь идет вперед. Наше общество выросло материально и духовно. Надо, чтобы и семейные отношения совершенствовались, чтобы повышалось чувство ответственности у людей, выбирающих себе спутницу или спутника жизни, рождающих нового человека.

Когда проект был обнародован в печати, Клуб общественник журнала «Работница» собрался, чтобы обсудить положения будущего закона. На это заседание пришли работницы московских предприятий, народные судьи, педагоги, юристы, врачи женских консультаций, родильных домов, домов ребенка.

Все от души приветствовали законопроект. Все признают его жизненную необходимость. Всех радует, конечно, что новый закон решит проблему «прочерка» в метрике. Наконец-то! Сколько страданий приносил и приносит матери и детям этот «прочерк» в метрике, это юридическое и моральное неравенство детей. Не должно его быть в нашей стране! Ленин считал одним из крупнейших завоеваний Октябрьской социалистической революции в области семейных отношений полное уравнивание в правах детей, рожденных в браке и вне брака.

Но все были единодушны в том, что в законопроекте еще недостаточно четко и ясно определены права ребенка, рожденного вне оформленного брака. В третьем разделе законопроекта есть статья 16 («Основания возникновения прав и обязанностей родителей и детей»). Одно из положений этой статьи встретило дружное возражение участников заседания. Там сказано: «В случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке, при отсутствии совместного заявления родителей отцовство

может быть установлено в судебном порядке».

А если такое совместное заявление родителей отсутствует? На каких законных основаниях наш советский суд сможет тогда защитить интересы детей? В проекте сказано: «При установлении отцовства суд принимает во внимание совместное проживание и ведение общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком до рождения ребенка или же совместное воспитание либо содержание ими ребенка».

Вот это требование совместного проживания и ведения общего хозяйства может стать помехой для судьи при установлении отцовства. По мнению большинства участников заседания, предлагаемая формулировка статьи 16 открывает лазейку для тех, кто не хочет признавать себя отцом и уклоняется от своих обязанностей по отношению к ребенку. Такой недостойный человек, порхающий от одной любовной связи к другой, может заявить: «Я с ней совместно не проживал на одной площади, а питался я в столовой. И вообще все это случайные...» И еще намотает этот человек себе на ус, прочитав закон: «Эге, надо общих кастрюлек не заводить...»

И потом будем правдивыми: среди молодых рабочих, среди студентов нередко бывают фактические брачные союзы без совместного проживания и общих кастрюлек. Молодые люди живут в разных общежитиях, питаются в рабочих или студенческих столовых. Жизнь показывает, что нередко мужчины именно тогда прекращают свой фактический брак, когда узнают, что должен родиться ребенок... И получают, что ответственности они не подлежат!

На совещании был острый разговор и о том, что такое «случайная связь» и почему, собственно говоря, за эту связь должны нести ответ только женщина и ребенок.

Кандидат юридических наук В. Бильшай считает: «Если это случайная связь, то обоюдослучайная для женщины и для мужчины. По какой же это морали женщина должна одна нести ответственность за двойное легкомыслие, за свое и его? Почему она одна? Не напоминает ли это пережитки двойной морали — одной для мужчин и другой для женщин? Не ущемляет ли принцип равенства полов? И что такое случайные и неслучайные связи? Как судья может установить это? Какой срок для случайной связи? Пункт о совместном проживании и ведении общего хозяйства должен быть безусловно исключен. Он нарушает принцип равенства мужчины и женщины. Он сохраняет в принципе неравенство внебрачных детей».

Были суждения и о том, что нужно глубоко продумать вопрос о придании Основам законодательства обратной силы в отношении установления отцовства. В самом деле, почему должен страдать ребенок, который родился несколько лет назад или родится

еще до утверждения Верховным Советом СССР нового закона?

Обсуждение законопроекта продолжают сотни женских писем в «Работницу».

Письмо из Москвы. Имя молодой матери упоминать, конечно, не будем. Два с половиной года встречалась с юношей. Первая любовь, первая связь. «Мама узнала, что я родила дочку от Жени, и пошла к нему, но он и слушать ее не хотел. Добрые люди помогли мне устроить Оленку в Дом ребенка и сейчас учится в первом классе. У меня сохранилась записка от Жени, которую он передал мне в родильный дом, в котором он оправдывает себя. Винаваты мы оба за свой ранний фактический брак, а расплачиваться приходится мне одной. Мне очень тяжело в материальном отношении, а он хорошо обеспечен. Неужели же у таких людей нет совести, ведь ребенок не только мой, но и его тоже. Я ходила в народный суд, а мне отвечают, что у вас не было общего хозяйства. А ведь нам было по 19 лет. Своей площади мы не имели. Дорогая редакция, мне кажется, если бы таких молодых людей наказывали, то они подумали бы, стоит ли обманывать девушку...»

Итак, Оленка ходит уже в первый класс. А в ее метрике «прочерк». И алименты Олина мама не получает. А Женя жив, здоров, сыт и весел. И записка сохранилась, которая подтверждает его отцовство. Восемь лет назад в нем еще жила совесть, он пришел в родильный дом...

Почему же нельзя узаконить его отцовство? Почему должна страдать Оленка?

Вот еще письмо. Она работает и учится в вечернем институте. У нее двое детей от одного отца. Брак не был оформлен, отец детей не признает. Она очень любит детей, но ей одной с ними трудно — и материально и морально. Не раз слышала она, как ее детишек дразнили «безотцовщиной». Она поменяла квартиру, уехала туда, где никто не знал ее личной драмы. «Но райсобес проверяет жизнь одиноких матерей, опрашивает тихонечко соседей, действительно ли дети со мной живут. И вот на новом месте опять из-за недовыверя райсобеса моих детей дразнят «безотцовщиной».

Письма, письма, письма... И за каждым письмом — большая человеческая драма. Детская драма.

Скорее бы законопроект стал законом, говорили участники заседания клуба. В нем очень много хорошего, справедливого, в нем подлинный социалистический гуманизм. Но он станет еще лучше, еще полезнее для укрепления нашей семьи, для становления коммунистической морали, для здоровья и счастья будущего поколения, если в нем не останется никаких лазеек для тех, кто живет вразрез с нашей коммунистической моралью.

Елена КОНОНЕНКО

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ ИЛИ...

БРАКЕ И СЕМЬЕ

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Е. ЖУРАВСКАЯ, главный врач женской консультации № 6.

Новые законы в значительной степени облегчат положение женщины-матери. Особенно хочется мне отметить статью, в которой сказано, что муж не может возбудить дело о разводе, если жена беременна, и что после родов в течение года закон будет оберегать ее от развода. Очень хорошо, что проектом Основ законодательства предусмотрено выделение средств с родителем на содержание детей, помещенных в детские учреждения. Это повысит моральную и материальную ответственность родителей за своего ребенка.

Мне кажется, что тот пункт, который разрешает матери записать в метрику ребенка любого отца и отчество отца, не даст ничего ни ей, ни ребенку. Это будет просто форма — как «прикрыть» внебрачного ребенка.

Надо дать женщинам более широкие права для установления отцовства и привлечения отца и выплаты алиментов на ребенка, рожденного вне зарегистрированного брака.

Л. ТЮТЮННИКОВА, юрист родильного дома № 20.

Я нередко сталкиваюсь с вопросами усыновления. По этой части для нас новый закон дает многое. Есть такие родители, которые сами не хотят воспитывать своего ребенка, а мы не имеем права отдавать малыша в другую семью. Согласно проекту Основ нового законодательства, таких ребят можно будет передавать на воспитание хорошим людям и без согласия родителей, если мать, несмотря на предупреждение, в Дом ребенка не является, не интересуется судьбой своего малыша. Идеальные условия для ребенка может создать только семья, и хорошо, что это учли в законопроекте.

Н. ОРЛОВА, доктор юридических наук.

Закон хороший. Он будет служить укреплению семьи. Однако нормы о внебрачных детях нуждаются в более точной редакции. Они должны помочь в борьбе с безразличным поведением некоторой части нашей молодежи. А нам прежде всего нужно думать о молодежи! Новое поколение молодых мужчин не знает ответственности перед ребенком, рожденным вне законного брака. Это неправильно. Легкомысленное отношение к связям — это очень серьезно. Если появится обобщающая ответственность юноши и девушки — многие будут иначе себя вести.

Л. ЛИПИЛНА, технолог завода электрорадиоустройств приборов.

Я хочу остановиться на условиях заключения брака. Мне кажется, что сближение 18-летнего возраста не дает еще права на вступление в брак. В этом возрасте у многих молодых людей нет для этого ни материальной, ни моральной основы. Нужно, чтобы в законе была указана какая-то ответственность вступающих в брак. Или пусть хоть родители передают в загс заявление, что у них нет возражений против раннего брака. Так получается, что в брак вступили, ребенка подкинули бабушке с девушкой, а семьи новой, в сущности, нет.

Семь лет я работаю на Сызранской швейной фабрике обмелестрома. Живем вдвоем с сынишкой, ему нет еще и трех лет. Я водила его в ясли, но потом ясли расформировали. Думала, за месяц его устрою. Но обошла все городские организации — и всюду мне отказали. Теперь не знаю, что и делать...

В. Х. ВАЛУЕВА

Мы привели только одно заявление из шести тысяч, скопившихся в городском отделе народного образования. В Сызрани 68 детских учреждений на 6 400 мест, а жителей города — 180 тысяч. И город продолжает расти шире и выше: строятся новые корпуса предприятий, жилые дома, кинотеатры, клубы. Только нет среди новостроек детских дошкольных учреждений.

— Области не выделяют средств. За последние три года не получили ни копейки, — сказали в горисполкоме.

— Правильно, — подтверждает заведующий ободно Д. Д. Зуев. — Где мы возьмем деньги для Сызрани, если в 1967 году на всю Куйбышевскую область запланировали построить по бюджету исполкомов Советов только 4 детских комбината на 840 мест? Деньги дали тем районам, в основном сельским, в которых нет крупных предприятий. А в Сызрани такие промышленные гиганты. Могут они позаботиться о детях своих рабочих?

Ну, что ж, резонно. Иду на ведущее предприятие города — комбайновый завод. Шесть лет назад завод выстроил ясли-сад на 135 мест. И все. Нет, не все. В июле прошлого года санэпидстанция и пожарный надзор закрыли заводской детский сад на 60 мест: здание давно требовало капитального ремонта, но завод не обращал на это внимания. А в завкоме около пятисот неудовлетворенных заявлений.

Большая теснота в пяти детских комбинатах строительного-монтажного треста № 4 «Главсредневольтстрой». Вместо 515 детей там воспитываются 635. И это еще победы. Около тысячи работников треста вообще не могут получить путевки для своих детей ни в сад, ни в ясли. Строители-монтажники для своих же малышей не могут построить хотя бы еще один дом.

Нам возражают: «Позвольте, мы строим!» Но разве так строят! В конце прошлого года начали копать котлован под фундамент, а фундамент не заложили до сих пор. Председатель стройкома тов. Нефедова считает, что здание будет готово лишь к 1969 году.

Почти два года не может закончить стройку детского комбината нефтеперерабатывающий завод. Прораб Г. Н. Юрченко развел руками:

— Делаем, что можем... Кирпича долго не было, не хватает транспорта. Нет стекло большого размера...

Прораб жалобно рассказывал о своих трудностях. Только ни словом не обмолвился о тех задержках, которые происходят по вине строителей. Например, детское учреждение оказалось без продовольственного склада. О нем сначала вообще забыли. И только теперь заговорили о привязке хозяйственного блока.

В четвертом квартале нынешнего года должны получить новый дом дети работников Сызранского узла Куйбышевской железной дороги. Но строительной площадки еще нет. Главный инженер строительно-монтажного поезда № 168 Л. А. Тимиршин заверил, что уже заказаны строительные конструкции (здание будет крупнопанельным) и что если они поступят в апреле, то к июню здание соберут, а в октябре сдадут в эксплуатацию. Но (вот беда!)... строители недовольны участком, который им выделил городской Совет: и овраг там и деревянный домишко, который надо сносить. Между строителями и городским Советом идет переписка.

Швейная фабрика № 14 имени В. И. Ленина имеет всего один комбинат сад-ясли на 135 мест. На фабрике две тысячи работников. Скоро будет закончен второй корпус фабричного здания и придет еще тысяча работников. Если сейчас в фабкоме более четырехсот заявлений, то, надо полагать, в самое ближайшее время число заявлений удвоится. А строительство нового детского комбината даже не планируется.

Такова безрадостная перспектива роста ведомственных детских учреждений.

А что делается в детских садах и яслях, которые находятся в ведении горисполкома? Их всего 20, и 15 из них размещены в небольших деревянных домах еще дореволюционной постройки, многие требуют капитального ремонта. В 1968—1970 году намечено построить в Сызрани тринадцать детских учреждений на 2 520 мест и провести реконструкцию одиннадцати старых помещений, что даст еще 665 мест.

К сожалению, пока этот план не подтверждается конкретными делами. В 1967 году Сызрань не построила ни одного детского учреждения. В текущем году, это можно смело утверждать, также не откроят ни одного (кроме того, что достраивает нефтеперерабатывающий завод). И нет заделов на будущий год.

И тут хочется в качестве примера привести город Чапаевск, той же Куйбышевской области.

Так же, как и Сызрань, Чапаевск не получает средств от области. Тем не менее тут каждый год открывают новые сады и ясли. В прошлом году было построено четыре детских комбината на 700 мест. Столько же чапаевцы собираются построить и в этом году. Тогда все заявления будут удовлетворены.

Стало верно, дело не только в средствах, но и во внимании к этому важному вопросу, в настойчивом желании решить его во что бы то ни стало и как можно скорее.

Вряд ли нужно доказывать, что уход с предприятий некоторых квалифицированных работников связан с нехваткой детских учреждений. Только в строительном-монтажном тресте № 4 за год увольняется около 40 процентов женщин.

В Сызрани более ста мелких предприятий, которым в отдельности не под силу строительство детских комбинатов. Но если бы кооперировались, к примеру, автобусный парк, швейная фабрика и ликеро-водочный завод, — глядишь, сообща и осилили бы стройку.

А. УШАКОВ

ДЛЯ ДЕТЕЙ И О ДЕТЯХ

Теперь, по прошествии стольких лет, я могу честно признаться, что класса до седьмого имел серьезные — по тому возрасту, конечно, — претензии к своей матери. В трудные военные и послевоенные годы она отназывала себе во всем ради меня. Но это абсолютно не произвело впечатления. Больше того, я готов был лишиться праздничного мороженого, новых ботинок, лишь бы...

Дело в том, что мать хотела, чтобы я стал архитектором. Долгое время ее не смущали круглые трюпки по рисованию, которые я приносил из школы. Но потом она смирилась с моей полной неспособностью и изобразительному творчеству и твердо решила: быть мне врачом. Мои же собственные планы на будущее строились несколько иначе: я мечтал стать футболистом. А потом зоологом; не случайно же, разбуженный среди ночи, я мог сразу сказать, на какой странице Брэма нарисован, например, ягуар или питон.

Но я не стал ни врачом, ни футболистом, ни зоологом. Это, впрочем, не помешало тому, что в конце концов в семье установился прочный и надежный мир. Однако сейчас тот старый конфликт, кажется, снова угрожает нашему согласию: мать начинает вынашивать планы в отношении своего внука.

И вдруг — о чудо! Недавно она сказала мне: — Ладно, я больше не вмешиваюсь, пусть он сам ищет себя.

Признаться, я удивился такой неожиданной постановке вопроса — как по существу, так и по форме. Но через несколько дней, обнаружив на этажерке книжку в яркой зеленой обложке и прочитав ее, кажется, понял, в чем дело.

Книжка называлась «Там, вдали, за рекой». Автор — Юрий Коринец. Издательство «Детская литература». Прочитал я ее за один вечер. И вот пишу рецензию.

Мишу — восьмилетнего мальчика, от чьего имени повествует Юрий Коринец, — взрослеет не только не споевывая в его стремлениях, но, наоборот, умело, с выдумкой и фантазией подбрасывают ему задачи, для решения которых надобно проявить самостоятельность мышления. Миша буквально «не вылезает» из сказочного мира удивительных событий, описанных поисками загадочного «этваса» (что в переводе с немецкого означает «ничто»). Но сказки эти носят не отвлечен-

ный, развлекательный характер, а так тесно переплетены с окружающей жизнью, что граница между вымыслом и действительностью для мальчика ничтожно стирается. В сказках обитают не Баба-Яга и Кошечка Бессмертная, а Шаровая молния, Полярный человек.

Сказки утверждают: чтобы найти «этваса», надо пройти огонь, воду и медные трубы, покорить Северный полюс, продираться сквозь непроходимые заросли. Ничто не рождается из ничего.

В этом, собственно, главная, хотя и неизреченная мысль книжки. Миша понимает ее по-своему, впрочем, тоже достаточно серьезно.

«Самое главное — найти себя в жизни. Ищите себя, желаю вам в этом успеха! Но только помните: никто никогда вам вас не найдет! Это вы должны сделать сами». Так говорил Миши дядя, человек, проживший кипучую и трудную жизнь — удивительный человек! Из тех людей, которые, взглянув на знаменитый рисунок № 1 из «Маленького принца» Сент-Экзюпери, наверняка увидят в нем не обыкновенную шляпу, а удава, проглотившего слона.

Это он создал тот необычный мир, где пребывает племянник, это он с ненавязчивой мудростью помогает Мише найти себя.

Сам дядя нашел себя в революции, в которой активно участвовал. Он старый большевик. Любимая песня его молодости: «Там, вдали, за рекой, закипел огонь, в небе ясном зорька догорала. Сотня юных бойцов из буденовских войск на разведку в поля послана...» Эту песню, в которой молодой боец остается лежать за рекой, сраженный пулей, дядя поет за день до отъезда в Испанию, где будет драться с фашистами.

Когда-нибудь потом Миша поймет смысл слов, сказанных ему на прощание: — Я останусь вдали за рекой, а ты пойдешь вперед.

Юрий Коринец написал увлекательную книжку для детей. Но за внешней простотой ее, чуть наивной романтичностью, крупным шрифтом и картинками бьется глубинная мысль, обращенная скорее к взрослым, нежели к детям. Ребенка Коринец зовет и увлекает; взрослому предостерегает и учит. Эта книжка для детей одновременно является и книгой о детях.

А. САЛУЩИЙ

«...Сельцо и пустошь Абрамцево...»

Немного странные, чуть-чуть смешные (словно бы детские) слова документа енарихинских времен. Ныне они звучат как-то отдаленно, почти незнакомо. Что такое «сельцо»? Кто из не старых людей видел на своем веку не поселок, не селение, а именно «сельцо»? Да и само Абрамцево кануло в неизвестность, таинственно утонуло в густых лесах, в глубоких, пахучих грибоной свежестью оврагах... Нет сельца Абрамцево. Нет и села Абрамцево, сменившего его. Нинто из местных старожил не знает в точности, где оно стояло: то ли возле старинного помещичьего дома, то ли на другом берегу сильно обмелевшей Вори... И все же знаменитый Абрамцево, не оскудело, не обмелело в народной памяти. Оно известно каждому, кто любит величину, несданную русую и русую и русую величаво-задумчивую нашу природу.

Расцвет и первая слава усадьбы начинается в сороковых годах XIX столетия. В 1843 году Абрамцево приобретает Сергей Тимофеевич Ансаков. Старейшего писателя обороняла прелесть этих мест. Ему хорошо работало и думалось здесь, в просторном деревянном доме, осажденном огромными ласковыми липами и грозно-сурмячими, душою бланк уходящими, жужжало ели.

К хлеболюбному хозяину и милым его домочадцам, и вдохновенной тишине абрамцевских соловьиных рощ и оврагов тянулись московские друзья и почитатели. За пятьдесят долгих верст в промоздких дорожных каретах, в легком спеленутом дрожке, а то и на лямках тройках спешащие сюда джандане и неджандане гости.

Нежеланных не было: и теплему, мудро спеленутому гнезду слетались души чистые, высокого парения... Гоголь, по-старински сутулый, по-юношески легкий и порывистый в движениях, расцеловавшись с улыбочным седовласым хозяином, убежал с его детьми в лес, по грибы. Добыччик из него был неважный: грибкуну нужен особый, охотничий талант.

Николай Васильевич сердился, возвращаясь с порожиным лукомном под добродушным смеет детьворы. Добрый старик Ансаков «выручил» молодого друга: велел раз натывать во мху, по любимым гоголевским тропинкам, десяти отборных белых грибов побережков... Иногда гость загадочно исчезал в отведенной ему комнатке. «Подре-мать» — кратко пояснил он... «Дрема!» так целыми днями.

И вдруг являлся, хитро и хмуро усмекаясь в тонкие усы, и, жестом фоксника извлекши из сюрютного кармана скатанную в трубку рукопись, читал с восторгу слушателей, новое сочинение. Так однажды за ужином ознакомил он своих друзей с главой второй части «Мертвых душ».

Приезжал совсем молодой, статный великан с женст-

венно мягкими и печальными глазами и детски слабым, всегда взволнованным голосом — Тургенев... Как сияла на голову обрушивался неистовый в выдумках и добродейский утешник и непревзойденный актер Михайло Семенович Щепкин...

Старый дом наполнялся голосами спорщиков и чтецов, дрожащим светом свечей, смехом.

И все было чудом, все было удивительно, все было, давило фантазией, все, даже вода из родничка, питающего прелестьную овражную речушку Яснуху (не сам ли Ансаков так точно ее окрестил?). Вода этого родничка назалась «чиде и вкуснее всех иных вод, и старик Ансаков пил только ее и, даже зимаю в Москве, за немалые деньги снарядил людей, чтобы ему и в город привозили в бочках чудодейственную яснухинскую влагу...

Но дрхлел старый патриарх, и настали и ослепели дети, все трудней становилось ездить в не близкое (по тем безмашинным временам) имене. А после смерти писателя, в 1868 году, пришел в запустение. Грустно стало в притихшей усадьбе — творческая душа этих мест, назалась, оточевала отсюда навсегда.

Но нет. Абрамцево судено было возродиться вновь.

В 1870 году им пленился Савва Иванович Мамонтов, талантливый и образованный предприниматель, строитель Северной железной дороги. Богатейший и энергичнейший представитель нового московского суеущества, он обожал искусство. Сам недурно рисовал и лепил, профессионально пел и вслячески поиривествовал аудиторам, осознано именуяющим, безвестным, немуючим.

Старый дом при Мамонтове зашумел новой жизнью, уважительно и любовно хранилась память о прежней, неторопливо протенавшей в его стенах. В неприкосновенности остались и кабинет старина Ансакова, и его библиотечка, и комната, где гостил Гоголь, и вековые деревья величольного парка... Правда, ритм бытия изменился: и дом и усадьба наполнились жизнью. Молодой суматохой создания. Еще безвестный, осмеянный ретроградями от искусства художник Врубель замышлел здесь, в Абрамцево, свое величольной мастерской, самые драгоценные свои картины, рисует, лепит из глины.

Валентин Серов, подросток провинциальный, в Абрамцево (мену Мамонтова Елизавету Григорьевну он называл второй своей матерью), мжужает здесь стремительно и устойчиво. Пятнадцатилетним мальчиком он создает рисунки, удивляющие Репина, а в двадцать два года пишет дочку Саввы Ивановича Вершину. «Девачку с персиками» — один из величольных лирических шедевров русской живописи... Любимец Мамонтова юный Кордун Коринец, в Абрамцево, артистичней во всем, за что ни возьмется — будь то изготовление рыболовных

В. ДРЕЗНИНА. ВЕЧЕР У АКСАКОВЫХ.

В. СЕРОВ. ЯБЛОКИ И ЛИСТЬЯ.

И. РЕПИН. АБРАМЦЕВО.

ряные кисти рябиновых ягод. Но многое изменилось, особенно в послереволюционное время, в некогда пустынном, ушедшем в себя Абрамцево. Оно наводнилось людьми, их делами, их заботами. Тихая старая усадьба превратилась в шумный, людный музей, дала приют большому дому отдыха; на высоком берегу Вори вырос поселок советских художников. Многие из них, широко известные и признанные, уже ушли из жизни: нет ни И. И. Машнова, ни И. Э. Грабаря, ни влюбленного в «милую абрамцевскую землю» поэта и художника П. А. Родимова... Но не сникнет источник творческой энергии, бьющий невидимым родником из абрамцевской почвы. И каждую весну живописцы всех возрастов, жадно вглядываясь в неизбывную красоту абрамцевских окрестностей, находят в ней что-то новое, свое, особенное...

Жив старый дом, хранящий вещи, картины и рукописи наших высоких предков. Живы мощные деревья, помнящие Ансакова, Гоголя, Репина. Навени жива тихая и властная прелесть русской природы.

В. ПОЛЕНОВ. БУКЕТ.

снастей или пародирование знаменитого тенора Мазини,— колдует над своими изысканно-пышными эскизами и постановкам частной мамонтовской оперы...

Абрамцево навещает маститый Репин — и тоже очаровывается гипнотической природой темнокудрявых, по-медвежьи лохматых и сутуло-холмистых окрестностей. И, застряв в гостеприимной усадьбе, яростно пишет одну из главных своих картин — «Проводы новобранца».

Бывает здесь и строгий, ирречески преданный искусству В. Д. Polenov и помогает своей сестре, прекрас-

ной акварелистке Елене Дмитриевне, наладить мастерские деревянной резьбы, объединить местных резчиков вокруг увлекательнейшего и плодотворного дела...

В. М. Васнецов находит в окрестностях Абрамцево и соседнего Хотькова, а также в лицах и фигурах здешних крестьян эпические черты для своих богатырских полотен, здесь он создает и эскиз знаменитой «Аленушки». Нервный, сосредоточенный на духовной жизни всего сущего Нестеров прозревает просветленной печалью абрамцевских лугов и долин. Лирические детали здешнего пейзажа навсе-

гда запечатлеются в душе художника, в его картинах.

Вечерами старая ансановская гостиница чуть-чуть внемлет мощному пению Федора Шаляпина, трепетной и страстной декламации М. Н. Ермоловой...

...Текут годы, но по-прежнему вьется, петляя в клетке ивняка и ольшаника, замкнуто-задумчивая, целотно мудренно-холодная Вора; по-прежнему ясна и весела бегущая с ней темным оврагом речонка-девочка Яснушка. Как и при Ансановых, обламываются под собственной тяжестью грозды майской черемухи и ярко манят осенних дроздов баг-

Из дневника матери

У нас появился щенок по кличке «Тявка». Белый, пушистый увалень, веселый, потешный. Сережка уже обучил его. Крикнет: «Тявка, неси тапку!» — и щен бежит, торопится, тапочка в зубах, лапы разбегаются... Принесет и ляжет на спину, ждет, чтобы его погладили по животу.

Тявка — Серезкино приобретение. Когда он принес щенка в дом, отец да и я тоже рассердились. А Сергей, прижимая его к себе, заливался слезами: «Куда я его отнесу, во двор, да? Думаете, у него есть дом, да? Он совсем ничейный... Вот если бы я был ничейный, вы тоже выгнали бы меня, да?»

Тут Иринка подоспела: «Да ладно, мам, пусть живет. Смотри, какой он хорошенький».

Отец поворчал еще немного, но больше для порядка и ушел: мол, как хотите, так и решайте. Я же продолжала стоять на своем: никаких щенков! Боялась брать обузу, ведь за щенком нужен уход, а ребята, я знаю, то забудут накормить, то им будет некогда погулять с ним. Они, конечно, уверяли меня: «Да что ты, мамочка, мы всё будем делать, честное слово...»

Поклебал мою решимость Серезкин довод: «Во всех книгах написано, что собака — лучший друг человека. Ты тоже об этом говорила, а теперь сама...»

Я с трудом сдержала улыбку и сказала, что оставлю щенка только до утра. А когда Тявку вымыли, расчесали, накормили, то уже никто не сомневался, что он останется у нас навсегда.

Соседи спрашивают: «Неужели у вас нет других забот, что вы завели собаку?» Всем не расскажешь, как она у нас появилась. И не могу я сердиться на своих ребят за то, что они проявили заботу о маленьком беспомощном существе.

Слово ребята держат, за Тявкой ухаживают. Особенно Сергей старается.

* * *

Меня беспокоит Ирина, иногда я просто не узнаю ее: ершистая, обидчивая. Учителя

Продолжение. См. №1 2.

говорят, что это «болезни роста». Может быть. Но трудно стало с ней. Сегодня обидела меня так, что не могу уснуть. Долго лежала с открытыми глазами, а потом встала и давай стирать. Заметила, что, когда волнуясь, мне надо что то делать: мыть, стирать, убирать. Это успокаивает.

Поначалу все было мирно: мы сидели вдвоем на кухне и разговаривали о предстоящем выпускном вечере. Я сказала, что, как только получу зарплату, пойдем в ателье и закажем ей платье. А она: «В ателье нечего ходить, там плохо шьют. Да и капрона у них нет...» Оказывается, Иринка хочет только капроновое платье, потому что все девочки будут в капроновых. Я возразила: «Ну и плохо, что все в одинаковых. А насчет ателье — это ты зря. Там тебе еще ничего не шили, и ты не можешь судить о качестве их работы». Но в Иринку словно вселился бес: «Знаю, почему ты защищаешь ателье. Потому, что сама работаешь на швейной фабрике, а у вас шьют ничуть не лучше, тоже портят вещи...»

Тут уж я не на шутку рассердилась и сказала, что она поет с чужого голоса. Уж очень мне стало обидно, с какой легкостью чернила она работу швейниц. В таком тоне мне не хотелось разговаривать, и я замолчала. Она же сказала, что платье будет шить у портнихи, с которой договорилась Олина мама. И вообще Валентина Ивановна (это Олина мама) «умеет устраиваться в жизни, не то что ты...»

Я замерла: Иринка ли говорит такое?! Принципиальная, непримирная даже к малейшему проявлению несправедливости, фальши — такой считала ее не только я, но и учителя, товарищи, — вдруг упрекает меня в том, что я не умею приспосабливаться, лавчить?!

Я и раньше слышала об Олиной маме, но когда Ира что-нибудь рассказывала о ней, в ее голосе слышались осуждающие нотки. «Представляешь, мама, — говорила она недавно, — Валентина Ивановна дала десять рублей продавцу за то, что он достал ей вне очереди какой-то гарнитур для кухни. Это же называется взятка, правда?»

Признаться, я тогда растерялась, не зная, что ей ответить. Ирина дружит с Олей, бывает у них в доме. Осуждать Олину маму

я считала неудобным, оправдывать ее не могла. Тогда я скомкала разговор, а теперь вижу, что зря. Надо было прямо сказать, что, к сожалению, есть еще люди, которые только и делают, что приспосабливаются и лавчат. Эти люди — наш позор, наша беда...

Сегодня я все это высказала, но Иринка слушала меня в пол-уха. Ей, наверно, думалось, что так резко я заговорила потому, что обиделась на ее слова.

Нет, доченька, наш разговор с тобой еще не закончен, я его продолжу. Страшно, если ты решила жить по образу и подобию таких, как Валентина Ивановна.

Страшно и за Олю: неужели та женщина из своей дочери сделает такого же хваткого приспособленца...

* * *

Ну, вот еще раз поговорили с Иринкой «на острую тему». В этот раз все было иначе. Я пришла с работы усталая, позаче обычного. Ирина это заметила и стала хлопотать на кухне, разогревая ужин.

У тебя неприятности на работе? — участливо спросила она.

Неприятностей особых не было, просто на заседании фабкома распределяли путевки в дома отдыха и санатории. Заявлений много, а путевок мало. Те, кому фабком отказал, ушли обиженными. А это всегда неприятно.

В разговор вмешался муж:

— Себе ты, надеюсь, оставила путевку?.. Как-никак член фабкома.

У Иринки брови полезли вверх: — Да что ты, папа? Как можно говорить такое про нашу маму!..

Молодец, Ирина! И все-таки я решила испытать дочку:

— Еще совсем недавно ты вроде бы упрекала меня именно в том, что я не умею приспосабливаться к жизни.

— Ты это приняла всерьез? Не верю! Ну, мама, правда, скажи, ты не поверила? Ну, просто меня занесло тогда... — Она посмотрела на меня, улыбнулась и потерлась носом о мою щеку.

Вот и весь наш разговор. Трудно со взрослыми детьми: наговорят бог знает чего, а ты ночами не спишь.

(Продолжение следует.)

На прогулке

Дети часто отказываются делать зарядку — надеются, что это дня в неделю все те же обычные упражнения. И нотациями тут не поможешь. Особенно если мать убеждает малыша в пользе гимнастики, а сама ею не занимается! Куда лучше делать упражнения вместе, превращая их в игру. И полезно и весело!

Лучше всего затеять такую игру на свежем воздухе. Не гуляйте с ребенком чинно по дорожке. Старайтесь как можно больше двигаться: сразу право же, это нуж-

но не только малышу, но и вам.

Вот несколько упражнений для детей 4—6 лет, которые можно делать во время прогулки:

1. Бросайте друг другу волейбольный или теннисный (это потруднее!) мяч, подбрасывайте его вверх (кто выше?), забивайте в «ворота».

2. Поднимите ребенка, чтобы он мог ухватиться за ветку и повиснуть на несколько секунд. Только будьте готовы подхватить его, если сорвется.

3. Взявшись за руки, лицом друг к другу, присядьте на корточки и

подскачите «по-лягушачьи» 6—8 раз.

4. В том же положении присядьте и поднимайтесь поочередно: то вы, то малыш. Если ребенок сможет, — пусть приседает на одной ноге.

5. Не больше одной минуты поиграйте в «салоочки».

6. Бросайте в дерево (кто более меткий?) шишки или камушки.

7. Взявшись за руки, побегайте по траве.

8. С разбега перепрыгивайте через поваленное дерево, пенный.

9. Ребенок приподнимается на носках и тя-

нется как можно выше, чтобы достать шишку или ветку.

10. Поваленное дерево можно использовать как гимнастический бум. Пусть малыш пройдет по нему без поддержки. Переходите от упражнения к упражнению не спеша, чтобы ребенок свободно подышал. Обязательно вводите элемент соревнования: кто выше, кто дальше, кто быстрее? Поддавайтесь ребенку, конечно, незаметно и не всегда, — пусть старается изо всех сил.

Р. ДЕМЕТЕР,
кандидат педагогических наук

ксперт Петр Андреевич Калашников специальным шупом накалывает головку «российского» сыра и протягивает мне тонкий круглый столбик.

— Пробуйте,— говорит он.— А теперь вот этот. И этот.

Я пробую. Сыр одинаково вкусен.

— Нет, вы прислушайтесь. Вот этот чуть нежнее, а этот острее.

Я пробую. И правда — точно чувствую, какой нежнее, а какой острее.

— А теперь попробуйте вот эти два столбика. Какой лучше?

Я долго разминаю языком один столбик, потом второй. По-моему, оба хороши. Ведь недаром «российский» сыр Тихорецкого комбината пользуется таким спросом, недаром он получил «Знак качества». Но какой же столбик лучше? Определенно первый.

— Конечно,— соглашается Петр Андреевич,— тем более что они из одной головки.

Нет, искусство дегустации — это всякая математика гастрономии.

— От кого же зависит качество сыра? — задаю я тот вопрос, ради которого и приехал в Тихорецк.

— От всех сразу. Точное соблюдение технологии, постоянная проверка качества на всех участках — вот вам и весь секрет. Так что, если уж взялись искать, от кого качество сыра зависит,— начинайте с самого начала.

Молочные реки

«Самое начало» — это железный навес, куда причаливают трехтонные автоцистерны. Из ближних совхозов и ферм привозят они молоко, разное молоко: получше и похуже, пожирнее и поже, свежее и не очень. Откидывается крышка бака, и лаборанты приемной лаборатории пробуют молоко. Самым обычным, примитивным способом, как каждая хозяйка у себя дома — на вкус и на запах. Для начала. А потом в свои права вступает химия.

Точно и стремительно работает Александра Ивановна Анисимова, анализатор лаборатории. Она меж двух огней. С одной стороны — комбинат. Ему необходимо добротное молоко, тонкие цифры по всем показателям — кислотность, плотность, содержание жира. С другой — поставщики и транспортники: присосавшись гибким хоботом к приемному насосу, стоит автоцистерна, шофер курит на подножке — у него простой. Черная кнопка на пульте приемщицы не будет нажата, пока Александра Ивановна не скажет «да». Так что это «да» должно прозвучать как можно быстрее.

Глухо гудит мотор центрифуги — испытание на жирность; чуть розовеет молоко в пробирке — определяется кислотность. Помогает опыт: Александра Ивановна знает не только все капризы молока, его изменчивый характер — а он зависит и от сезона, и от погоды, и от кормов,— она хорошо знает и поставщиков, знает, чего от каждого ждать можно. На маленькой ферме могли смешать с сегодняшним вчерашнее молоко, чтобы не возить мелкими партиями,— значит, особое внимание надо уделить анализу на кислотность. Прибыла цистерна из большого совхоза — эти цистерны после сдачи молока не в комбинатском молочном цеху обрабатывают, а на совхозной ферме: необходим тщательный анализ «на соду» — ею моют цистерны, могли плохо ополоснуть.

Александра Ивановна работает давно, здесь всему и выучилась — без отрыва от производства окончила курсы анализаторов при Медведковской школе мастеров сыроделия.

Такие же курсы окончила и Мария Андреевна Голубок — раньше она работала приемщицей, теперь стала анализатором лаборатории. Этот месяц для нее разведной — на самых крупных и удаленных фермах все анализы проводятся на месте, и молоко доставляется, можно сказать, с гарантией.

— От нас работа всего комбината зависит,— рассказывает заведующая лабораторией Клавдия Ивановна Дудик,— одну флягу пропусти — и станет она той самой ложкой дегтя в бочке меда. А бочки у нас — сами видите — не маленькие.

Их называют танками, эти бочки. В них хранится молоко. Пастеризованное, охлажденное, оно ждет своего часа, чтобы ринуться молочной рекой в сыроваренный цех, где совершается главное таинство — рождается сыр.

Мастер думает...

Мастер зачерпнул горсть «зерна» — так называются маленькие белые комочки, которые пойдут в форму, спрессуются и через 70 дней станут сыром. Мастера в эту минуту положено оставить в покое. От его решения зависит качество этой партии сыра...

Первый раз я пришел в цех как раз в такой момент.

— К мастеру сейчас нельзя: он думает,— предупредила Любовь Ивановна Жикалова, небольшого роста, чернышкая, востроглазая работница сыроваренного цеха.— Если хотите, я пока вам все расскажу. Работа у нас самая женская. Даже на домашнюю похоро: и мыть надо, и солить, и за нагревом проследить, и помешать вовремя. Хлопотливо, конечно, да по моему характеру чем спокойнее, тем скучнее. Я сперва в сырорзанилице работала, а потом сюда перешла. Меня Аня Кочетова — напарница моя — обучала. А теперь-то что! Хоть всю варку от начала до конца без мастера провести можем. Вот только готовность «зерна» определить — тут уж мастер сам себе голова. Тут мы права не имеем вмешиваться.

Мастер стоит, склонившись над ван-

ной, словно погруженный в самого себя, отрешенный от шума и суеты цеха. Сейчас главное — он, мастер, его интуиция. Отступила техника, безмолвствует химия.

А ведь до этой минуты химия была всевластна. Лаборантки Валя Малышкина и Рая Погорелая не знали ни минуты покоя. За всю варку не менее 6 анализов на каждой ванне, а всего ванн — семь. Сорок два анализа за варку — точнейшее описание всех превращений молочной реки.

Сначала в ванну с молоком был добавлен обрат. Добавлен кальций — при пастеризации соль выпала, и ее нужно восстановить. Потом закваска, сычужная сыворотка. Перемешали, отключили моторы, и за сорок минут смесь кисает.

— И получается простокваша,— пошел я блеснуть своими познаниями.

— Да, «кваша».— Девушкам удалось подавить снисходительные улыбки.— Только не «просто». Скорее «сложнокваша». Вот послушайте.

И тут пошел ученый разговор. Про то, как казеин превращается в параказеин, а тот под влиянием ионов кальция свертывается. Происходит это так: ионы кальция заряжены положительно, а ионы параказеина — отрицательно. Отрицательные ионы тянутся к положительным, скапливаются вокруг них — образуются хлопья.

Рассказывают девушки деловито, словно собственными руками подгоняют отрицательные к положительным. Как завороченный, усталый я на густеющую массу. Подумать только. Сыр... Древнейший способ сохранить про запас молоко. А оказывается, все дело в ионах...

А мастер стоит, наклонившись над ванной, мягко сжимает горсть «зерна», чуткими пальцами определяет его упругость, пробует на вкус, рассматривает цвет, растирает 2—3 зернышка, вспоминает, сравнивает.

За плечами у нее — у сменного мастера Марии Степановны Молчан — 24 года работы, тысячи подобных варок. Начинала рядовой рабочей на маленьком заводе — тогда все было иначе: и молоко накачивали вручную, и массу вымешивали лопатками, и зерно вычерпывали ведрами. Теперь — переплетения труб, электронасосы, пульта управления, переносные шланги. Но осталось знание каждой мелочи, всех возможных отклонений — опыт, который помогает

сейчас мастеру понять капризный, изменчивый характер этого скрытого существа — «зерна». Недодержи — и расплывется сыр, вынутый из формы, рвется, как кисель. Передержи — сыр будет сухим, ломким, потрескается, рассыплется.

Для мастера «зерно» — действительно словно живое существо. Еще там, в другом обличье, оно прошло большой путь по цехам, и каждый, кто работал с ним, прислал мастеру «характеристику»: цифры приемной лаборатории, сведения из аппаратного цеха, те самые сорок два анализа лаборанток во время варки. И все это в сознании мастера, как отдельные штрихи, маленькие черточки, складывается теперь во что-то единое, цель-

ное. Все — и давно минувшее, и вчерашнее, и сегодняшнее, и сиюминутное — сконцентрировалось, чтобы вылиться в решение, в точное и повелительное «готово».

Мастер склонился над ванной. Еще немного, еще чуть-чуть. И вот наконец: — Готово! Давай!

Подняты рычаги, наклонилась пяти-тонная ванна, и потяли насосы «зерно» в прессовальный цех.

Как «нянчат» сыр

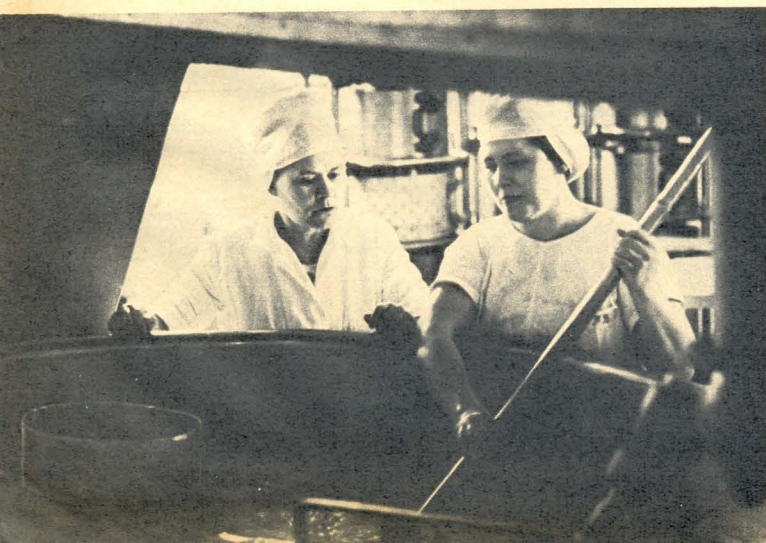
— Сыр как ребенок. И капризен он и требователен, и уход ему нужен и внимание. С ним нянчаться, — говорит Зинаида Валентиновна Трач.

Анализаторы Валентина Панчукова (слева) и Александра Анисимова проверяют новую партию молока.

Познакомьтесь — сыроделы: сменный мастер Мария Молчан (слева) и работница сыродельного цеха Вера Токарева.

Фото Н. МАТОРИНА.

С ним нянчаться...

С конвейера на полку пресса, через полчаса, после самопрессования, с полки — на передвижной столик, головка переворачивается, маркируется и — снова на полку. А когда сыр отпрессуется полностью — на стеллаж. И все это вручную, а форма с сыром весит 25 килограммов и даже после прессования — не менее 20! За смену каждая работница «вынйачивает» не менее четырех тонн. Да... Но тут уже нечем восхищаться...

— Неужели нельзя облегчить труд тех, кто «нянчит» эти огромные головки сыра? — спрашиваю у главного инженера комбината Георгия Михайловича Кандидатова.

— Все, что в наших силах, мы сделаем, — говорит Георгий Михайлович. — Поставили кольцевой конвейер, рационально разместили прессовальные установки: раньше формы носили на 20—25 метров, теперь, как видите, на один шаг всего. Больше мы ничего не можем сделать. Нужны специально изготовленные приспособления. Слово теперь за конструкторами...

В Москве, в техническом отделе Главного управления молочной промышленности, мне рассказали: вопрос о ликвидации ручного труда на этом участке внесен в план исследований ВНИИ маслодельной и сыродельной промышленности. Опытный завод приступил к освоению новых перфорированных форм. Когда они будут внедрены, две ручные операции из четырех отпадут. Но еще две останутся. До каких же пор? Очень хотелось бы получить от ученых и инженеров конкретный ответ на этот вопрос.

Пора созревания

В прессовальном цехе из металлических форм вышли большие круглые головки. В точности как тот сыр, от которого нам в магазине отрежут брусочек. Но только по форме. Внутри это еще не сыр, а спрессованная творожная масса. На передвижных стеллажах доставляют головки в огромные полутемные хранилища, где при определенной температуре и влажности будет проходить таинственный процесс созревания.

Семьдесят дней зреет сыр. Расщепляются содержащиеся в нем вещества, образуются аминокислоты, жирные кислоты, спирты, эфиры, альдегиды и другие соединения — все вместе они и создают вкус, цвет, консистенцию и аромат сыра. Вовсю хозяйничают в нем микробы — не пугайтесь, это полезные, добрые пищевые микробы.

Семьдесят дней зреет сыр, и нужен за ним глаз да глаз! И переворачивают его, чтобы бок не отлежал, и осматривают, чтобы плесень не появилась, и моют. Здесь свои няньки, здесь и свои врачи. Лечат «заболевший» сыр оперативным путем: вырезают пораженные плесенью куски и «забинтовывают» — покрывают парафином.

В 1967 году завод выпустил три тысячи тонн готовой продукции, в этом году должен дать четыре тысячи.

Четыре тысячи тонн вкусного «российского» сыра, отмеченного в прошлом году «знаком качества». Но он — этот «Знак» — дается на один год, и значит, снова нужно тихорецким сыроделам подтвердить высокое качество своей продукции.

Э. ПЕТРОВ

Женщина сидит в комнате. Открывается далекая входная дверь. Женщина говорит: «Пришла Мария Павловна». Как она это узнала? Многие скажут: «Очевидно, по шагам». Действительно, можно издалека распознать шаги близкого человека, часто входившего в твой дом.

Все, значит, просто... Нет, не торопитесь с выводами. Женщина, от которой идет речь, слепоглухоноемая. Слышать шаги она не могла. Как же она догадалась, что пришла знакомая? Что это — чужье? Или новая, малопозванная способность, особая форма чувствительности?

Информацию об окружающем мире мы получаем с помощью разных ощущений. О форме или размерах предмета судим, разглядывая его и осяпывая пальцами, то есть зрительно и осязательно. Узнаем человека, глянув на его лицо или услышав его голос, то есть с помощью зрения или слуха. Но когда изменяют одни ощущения, на подмогу, обостряясь, приходят другие. Чувствование — необыкновенно широкая и многообразная область способностей человека. Гораздо более многообразная, чем мы привыкли думать.

Слепой, потеряв ориентировку в знакомой местности, приближает руки к ушам и делает одновременно два щелчка пальцами. Зрячим оба звука покажутся одинаковыми, слепой же воспринимает их как разные, потому что колебания воздуха слева уходят вдаль, ничем не отражаемые (слева — поле и река), а справа — отражаются от ближнего леса.

Это лишь один из приспособительных приемов, порожденных у незрячего потребностью ориентироваться. Все люди с врожденными или приобретенными дефектами могли бы рассказать о необыкновенных формах чувствительности, которые они в себе развили.

Слепоглухоноемая, с которой мы начали наш рассказ, научилась узнавать знакомых, уловив, что шаги человека заставляют пол вибрировать, колебаться. Никто из людей с полноценными органами чувств не замечает этих вибраций. Глухой ощущает их явственно. Никому из слышащих не придет в голову анализировать эти вибрации, их особенности, чтобы научиться различать, под чьей ногой они возникли. Никому... кроме тех, для кого эти вибрации служат опознавательным знаком, почти единственным средством ориентировки и познания. У слепоглухоноемого нет другого выхода, если он испытывает потребность заранее получить информацию о том, кто открывает входную дверь и собирается посетить его. Разве что он разовьет в себе другую форму чувствительности — обонятельную. Этот способ ничем, по существу, не отличается от узнавания, основанного на вибрационных ощущениях.

Повышенной чувствительностью обладают не только глухие и слепые.

Еще древним грекам и римлянам была известна странная способность отдельных людей угадывать, где находится под землей источник воды. А в XX веке, в 1913 году, на Втором всемирном конгрессе по экспериментальной психологии был проведен официальный конкурс таких водоискателей. Держа в руках изогнутую ветку, они ходили по заданному маршруту, и ветке вздрагивала в их руках, когда они оказывались над подземным потоком. Водоискатели точно определяли очертания невидимых глазу подземных пещер, озер и ручьев (исследования проводились в изученной местности с разнообразным подземным рельефом). Мало того, они определяли направление движения потока, глубину его залегания. Кстати, в Чехословакии широко

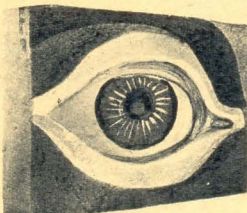

Рисунок В. ОСВЕРА.

ЗАГАДКИ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

С. Г. ГЕЛЛЕРШТЕЙН,
профессор, доктор биологических наук

Автор этой статьи, крупный советский психолог С. Г. Геллерштейн (он умер в октябре 1967 года), в течение долгих лет занимался вопросами психологии труда. Но круг его научных интересов был широк. В частности, С. Г. Геллерштейн всегда интересовался малосослудованные формы чувствительности, о которых и была им написана незадолго до смерти опубликованная здесь статья.

Статья поможет читателям журнала узнать, как пристально исследуют ученые явления, которые прежде казались непознаваемыми.

Заслуженный деятель науки профессор К. К. ПЛАТОНОВ

известен человек, его фамилия Докулил, который уже лет сорок определяет таким образом, где надо рыть колодезь.

Что это за форма чувствительности? Никто пока не в состоянии дать окончательный ответ.

Всему миру стала известной поразительная способность Розы Кулешовой (мне довелось принимать участие в этих исследованиях) «видеть» кончиками пальцев. Нескольким человек, обладающих подобным даром, были обнаружены потом в разных странах. Среди них — молодой венгерский служащий Густав Арвай, который способен без прикосновения, лишь протянув руку и остановив ее за двадцать—тридцать сантиметров от предмета, в точности описать его или детально «рассмотреть» на таком расстоянии обложку журнала. Что воспринимает кожа пальцев? В ней нет ничего, что даже отдаленно походило бы на сетчатку глаза или хрусталик. Есть лишь давно и детально изученные нервные окончания в виде дисков и утолщений. Считалось, что это датчики, чувствующие тепло и прикосновение. Но как воспринимается пальцами на расстоянии чисто зрительная информация? И даже без света (есть и такие эксперименты). Ученые заняты сейчас этой проблемой, довольно неожиданно

данно возникшей на горизонте: мы протодушно полагаем, что о чувствительности кожи знаем почти все.

* * *

Весьма развита чувствительность у животных. Известно, что собаки благодаря необычайно тонкому нюху способны различать людей по запаху. А что помогает дождевому червя безошибочно находить путь в земле? Не зрение и даже не обоняние. Ученые установили: у червя хорошо развит орган так называемого химического чувства. Это же чувство помогает ему втягивать разные предметы в свою нору. Дождевой червь (недаром он носит такое название!) весьма чувствителен к влажности. Благодаря этому он избегает сухих мест. Червь чувствителен к свету, особенно к коротковолновым лучам. Существуют данные, что он способен различать форму предметов, причем предполагают, что это также основано на тонко развитом химическом чувстве.

Еще более удивительны проявления особых форм чувствительности у пчел. На голове пчелы есть усики (так называемые антенны). Это органы обоняния и осязания: усики осяпывают предметы и одно-

временно получают обонятельные ощущения. Благодаря этому в представлении пчелы (если можно так выразиться) форма и запах неразрывно связаны друг с другом. Человеку такие совместные ощущения не свойственны, нам с вами трудно представить их своеобразно, но это не дает оснований говорить: «Так не бывает».

Чем глубже знакомиться с миром чувствительности животных, тем более убеждаешься в том, что наши представления о пределах чувствительности требуют существенных поправок. Глаз той же пчелы, например, воспринимает недоступные для глаза человека ультрафиолетовые лучи как видимый, определенный цвет. Это подтверждено результатами специальной дрсировки пчел.

Большой интерес возбуждают способности многих животных ориентироваться в пространстве. Африканские рыбы мормирусы и гимнаркус, угри Амазонки имеют органы, работающие, как радиолокатор. Они непрерывно испускают электрические разряды. Вернувшись электротоко точно сообщает им о рельефе дна, о добыче, которую в мутной, илистой воде глазами не различить.

* * *

...Природа разумно и целесообразно ограничила восприятие человека, лишив нас подобного рода чувствительности: иначе мы просто потонули бы в хаосе звуковых и электрических волн, наполняющих пространство вокруг нас. Однако это не значит, что границы нашей восприимчивости точно установлены и перейти их никому не удастся.

Может возникнуть и такой вопрос: обладаем ли мы возможностью, если требуется, активно воздействовать на наши органы чувств, сознательно развивать слабо выраженные или отсутствующие формы чувствительности? Мы решаемся ответить утвердительно. Чувствительность усиливается, когда у человека возникает жизненная необходимость именно в ней.

В свое время, когда еще не было точных приборов, опытные сталевары судили о температуре плавки и ее изменениях по оттенкам цвета, по неувлившим для нетренированного глаза тончайшим переходам от одного оттенка к другому. Те же сталевары при одном взгляде на разлом взятый из печи пробы определяют с поразительной точностью процентное содержание углерода в металле. Восприятие, развившееся в результате упорного систематического внимания и активной наблюдательности, приобретает особую остроту. Человек научается замечать и различать такие свойства предметного мира, которые кажутся выходящими за пределы доступного органам чувств. Определяя на глаз содержание углерода, сталевары почти молниеносно улавливают незаметные другим признаки: величину зерен-кристаллов, плотность их посадки, однородность структуры, блеск, волокнистость и другие, порой необъяснимые особенности.

...Мы пока имеем смутные представления о сущности явлений, скрывающихся под такими терминами, как «чувство усиления», «чувство тела», «чувство дистанции», «чувство притяжения», «чувство притяжения» и т. д. К этому перечню следует присоединить множество самых разнообразных ощущений, возникающих в связи с внутренними раздражителями, для многих из которых и названия-то не придуманы.

Очень много загадок предстоит еще разгадать ученым, исследующим органы чувств, эту трудную и заманчивую область знания. Сегодня эти исследования ведутся широким фронтом. В них участвуют ученые самых различных специальностей.

ВОЛН ПУТЕШЕСТВИЯ В СУМКУ

«Снизу, на животе, самка носит сумку, в нее можно залезть рукой. Мы нашли в сумке детеныша, который висел на соске, сцепившись в него своим ртом. Мы видели несколько подобных «зародышей», они все были величиной с боб, так что, по-видимому, и вырастают здесь из сосков».

Так писал старый морской волк — голландский капитан Франс Пелсарт, который в 1629 году, за сто пятьдесят лет до Кука, завел знакомство с кенгуром. «Убеждение, что детеныши кенгуру не рождаются обычным путем, а отпочковываются от сосков, широко было распространено прежде. Да и сейчас еще многие фермеры Австралии на родине кенгуру — верят, что между яблоней и кенгуром есть некоторое сходство: плоды на ветках и детеныши на сосках вырастают у них примерно одинаково».

Долго от этом предмете велись споры и среди натуралистов. Правда, немногие из них сомневались в том, что кенгуро размножаются не вегетативно, как растения, а обычным для зверей путем. Но вот как новорожденные попадают к мамам в сумки, чтобы закончить там свое развитие, об этом спорили особенно много.

Зоологи думали, что новорожденных своих детенышей кенгуру и другие сумчатые укладывают в сумку, схватив их губами. Лапами в это время мамаша открывает будто бы сумку.

...В 1830 году лондонский зоологический журнал опубликовал интересную статью военного врача Александра

Колли. Колли писал: «Он, как только родился, сразу пополз по шерсти на животе у матери и отверстие в сумке. А она, повернув голову к своему отпрыску, внимательно следила за его передвижением, не более быстрым, чем у улитки».

Она — мать кенгуру. Он — ее малютка, детеныш, размером меньше мышкина. У некоторых кенгуро новорожденные детеныши весят всего 750 миллиграммов! В тридцать тысяч раз меньше, чем мать. У кенгуру ростом в полтора метра рождается крошечного существа — слепого, глухого, но одержимого одним неистребимым побуждением — ползти и ползти к входу в сумку. И поскорее нырнуть в нее. А нырнув, найти там сосок и присосаться к нему. Еще до рождения из хромосомных шифра его наследственности был запрограммирован инстинкт, который заставляет теперь отправиться в долгий путь через волосные джунгли на брюхе породившей его звери.

А кенгуро, найдя там сосок и присосавшись к нему. Еще до рождения из хромосомных шифра его наследственности был запрограммирован инстинкт, который заставляет теперь отправиться в долгий путь через волосные джунгли на брюхе породившей его звери.

Впрочем, не совсем так. Перед самыми родами (которые проходят, конечно, безболезненно) кенгуро-мать старательно вылизывает себя на животе узкую полоску — дорожку ко входу в сумку. Эта дорожка и стелульная (так как чисто виллизана) и хорошо намечена (так как мокра). По мокрой шерсти детеныш и старает-

ся ползти. Если собьется в сторону и попадет на сухую шерсть, сейчас же поворачивает назад.

Ползет он, работая передними лапками, словно вешками. Они у него, как у ирота, сильные и толстые, с острыми коготками. А задние еще недоразвиты, на них и пальцев нет. (У взрослого же кенгуру совсем наоборот: передние лапы вроде бы недоразвиты!)

Ползет новорожденный кенгуро не быстрее улитки, а все-таки через полчаса добирается до сумки и исчезает в ней.

Придет еще немало времени, прежде чем у мамы в «нармане» найдет он сосок. А как найдет, крепко схватит его и повиснет на нем. Губы его прирастут к соску. Теперь висит неподвижно, как плод на ветке. Даже молоко сам не сосет: сосок, со-срашаясь, вприсасывает его в глотку двутрубой «личинки».

И долго еще потом, почти год, когда вырастет и начнет бегать, большой и длинноногий кенгуро при каждой опасности (да и в сумке) прыгает у матери в носу. Он уме не помещается там, ноги-кодули торчат наружу, а прыгает. Мускул на краю сумки сокращается и «автоматически» его там заперает.

Кенгуро-мать с детенышем «за паузой» большими сачками удаляет от погони. Но если враги ее настигают, часто выбрасывает живую ношу им на расстояние. Ящерица в критических ситуациях распахивается хвостом, кузнечик — ногой, осьминог — щупальцем, а кенгуро... кенгуроном.

ЗАМЕТКИ
О ПРИРОДЕ

И. АКИМУШКИН

ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ

Отвечаем читателям

Л. РАЗЖИВИНА из Магаданской области пишет нам: «Мне иногда приходится слышать, как буханку хлеба (причем не только белого, но и черного) называют «булкой». Правильно ли это?»

Слово «булка» в литературном языке имеет только одно значение — «небольшой пшеничный хлебец, обычно круглой или овальной формы». Словарь Даля и «Словарь современного русского литературного языка» характеризуют употребление этого слова в значении «буханка» как областное, южное.

Одна из причин того, что «булка» в нашем разговорном языке приобретает значение «буханка», заключается, может быть, в том, что маленькую булку (городскую) все чаще называют «булочкой». Нередко приходится слышать в будущем: «Дайте булку хлеба и две булочны». Но все-таки «булка» — это маленький пшеничный хлебец, а большой формовой хлебец — «буханка».

А. ТРУБНИКОВ из Карагандинской области интересуется: «Как пишется в родительном падеже множественного числа?»

Существительное «мечта» не употребляется в родительном падеже множественного числа. Слова, у которых в реальной речи отсутствуют какие-то грамматические формы, языковеды называют недостаточными.

Недостаточным, например, является глагол «пышет», у которого существует только форма 3-го лица настоящего времени: «Полдень пышет жаром», — а другие формы не употребляются. Мы не можем сказать, например, так: «Я пышу жаром». Недостаточными считаются глаголы «убедить», «очутиться», «мудить», «держить» и некоторые другие. Они не употребляются в 1-м лице единственного числа. Ведь не скажешь: «Я убежу», «Я очучусь» или «Я никуда не дерзую старшим».

Как же быть, если все-таки нужно сказать: «У него много... (мечт? мечтов?)», «Я... (убежу?) товарища?»

Наш богатый русский язык всегда поможет найти выход. Мы скажем: «Он о многом мечтает», «Я сумею убедить товарища».

А. КАЛИНИН,
кандидат филологических наук

Сам поймал — сам

приготовь

опять ерши...

Когда я положил свой скромный улов на стол, жена страдальчески вздохнула:

— Опять ершей поймал? Сам ловил, сам и ишти их... Или коту отдай...

Отдавать добытые с трудом трофеи заведшемуся коту мне совсем не хотелось. Спрятав сердце, предложил ему самого маленького ерша. Кот томно закрыл глаза и даже не притронулся к колочей рыбе. Его равнодушный вид ясное слов говорил:

— Ешь сам, коли лучшего ничего не принес... Ну и стем! — сказал я коту.

Вооружившись ножом и ножницами, я отстриг у ершей колочие плавники, отрезал голову, выскреб внутренности, промыл. Затем уложил рыбешек в один ряд на дно эмалированной кастрюли, полил подсолнечным маслом, посолил и положил два лавровых листика. Так же, один ряд за другим, уложил остальных рыбок. Сверху вылил еще восемь столовых ложек масла, плотно закрыл крышью кастрюлю и поставил на самый слабый огонь. Стояло мое варенье на огне пять часов.

Готовую рыбу я сложил в банку, а когда пришли гости, торжественно извлек ее из холодильника. Гости решили, что это шпроты. Не ощущаясь ни костей, ни чешуи, и на вкус рыба была отменной.

С того дня дома меня ершами не попрекали. А я вошел во вкус и теперь рыбу готовлю только сам. И как! Пальчики оближете.

РЫБАЦКАЯ УХА

Настоящие рыбаки варят уху не так, как домашние хозяйки. Мы делим улов на две части: в одной — крупная рыба, в другой — мелкая. Мелочь (ершей, окушков) варим выпотрошенными, но неочищенными на медленном огне около часа. Чешуя дает ухе и навар и вкус. Затем цедим отвар через марлю и сразу же осветляем, опустив белок свежего куриного яйца. Когда бульон отстоится, сливаем его и опускаем в него куски крупной рыбы (вымытой и очищенной), нарезанную на части, луковичку, мелко искрошенную дольку чеснока, немного крупно порезанной картошки, перец, соль. Деливаем немного кипятка и варим на медленном огне 20—25 минут. В конце варки кладем три лавровых листа.

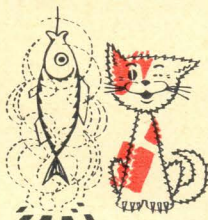
Варим уху закрытой и не даем сбегать через край. Сняв с огня и подавая на стол, кладем ломтик лимона или укроп.

Такая уха и когда остынет очень хороша на вкус!

КОПТИЛЬНЯ У КОСТРА

Однажды мы решили своими силами коптить рыбу. Это была мелочь: подлещик, густера, плотва, окунь. В обрывистом берегу прорыли нору длиной около метра. В конце ее вывели наружу отверстие и соорудили трубу из кусков дерева — шириной 40 и высотой 60 сантиметров.

Когда это нехитрое сооружение было готово, мы нанализали вымытую, выпотрошенную и подсолненную рыбу на куски проволоки, так, чтобы рыбки не касались друг друга. Проволоку с рыбой вставили в трубу. Верх трубы прикрыл куском фанеры для регулирования тяги.

В норе развели небольшую, но дымящую костер. Самое подходящее топливо для такого костра — ольховые гнилушки: дым от них придает рыбе золотистый оттенок, и она не горит.

Через сорок минут мы у ourselves у костра и с аппетитом поели рыбки своего копчения.

ЕЩЕ ОДИН СЕКРЕТ

Мелкая рыба вкусна. Но есть ее неприятно: все время выплывают косточки. А если при чистке сделать на каждой рыбке острым ножом несколько надрезов, мелкие косточки осыпятся, и порезанными и после варки или жарения совсем не будут ощущаться.

Вс. ВАСИЛЬЕВ

ДЕТСК

— Этого дня ждешь целый год... Вообще-то ждать начинаешь уже на следующий день после того дня...

— Этого... того... Какого дня? — Ах, май! Да самого моего! Дня рождения.

Из разговора.

ВЕСЕЛЫЙ

Мы сидим с Таней на диване, загибаем и разгибаем пальцы...

— Иру, Олю и Галку — обязательно. Машу не позволю, она воображала... Мальчишек не надо!

— Ну, почему не надо, Таня? Им как раз полезно быть в обществе девочек.

— Это им не поможет! — Поможет, поможет! Давай подумаем, кого можно пригласить?

Ну, ладно. Марнова, Юру Самойлова и Сашу Кожарова, они вроде ничего... Послушай, мамочка, — Таньин голос становится подозрительно мягким. — мне так хочется, чтобы этот день был не похожим ни на какой другой! Помоги придумать что-нибудь необыкновенное...

Необыкновенное... Легко сказать!

А ну, Татьяна, зови папу, будем фантазировать вместе. Звоню по телефону на другой день и вечером:

— Таня, это Оля. Кануло ты мне милую открытку прислать! Спасибо, я обязательно приду... Эще звоню... Татьяна в творческом раже на большом листе бумаги вместе с отцом пишет:

«Входи, не стесняйся, мы рады гостям. Если они не сидят по углам. И пусть ты впервые войдешь в этот дом, Танцуй и со всеми будешь знаком!»

Наступил день праздника. Я оглядываю нарядающую, причешающую Таню.

— Ты помнишь все, о чем мы с тобой говорили?

— Да, мама, я постараюсь быть хорошей хозяйкой... Первым приходит... Алин Самохин. У Татьяны вспыхивают щени. Она же его совсем не приглашала!..

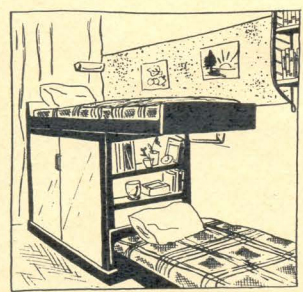
И, опережая дочь, навстречу Алину устремляется я. — Здравствуй, Алин! Прощаю. Таня, веди гостя в комнату! Алин, умасно смущенный, неловно сует Тане подарок. Это самодельный деревянный акробат с большой ртом и мелкой фигурой. Но он так ловко выворачивается на своей перекаленной!

— Какой веселый, — улыбается Таня. — Победим, Алин, но сначала опусти руку в эту корзину, возьми билетик и не глядя спрячь в карман... И, пока я не разрешу, не вынимай его. Ладно?

Потом вваливается целая ватага ребят, и сразу в квартире становится шумно. Но недаром же мы втроем «фантазировали». Шахматы, настольный бильярд... Все это как будто случайно попадает на глаза, привлекает внимание.

Торжественная Татьяна три раза ударяет ложкой по ирешней кастрюле и пригласляет всех к столу. Веселый звон ножей и

ДЛЯ МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ

В семье двое ребятшек. Часто маленьких крохоток пора заводят. Больше нужно где-то поставить для

школьника письменный стол. И хорошо бы еще найти место для крохотного верстана, чтобы было ребяткам на чем пилить-строгать. Как же быть? Не купить ли для старшего из детей раскладушку? Но врачи считают, что спать на раскладушке ребенку вредно: позвоночник всю ночь будет в искривленном положении.

Если в доме есть мастер-любитель, почему бы не попробовать сделать так, как делают у многих семьях за рубежом? Наш рисунок взят из французского журнала «Эр илер». Наверное, не обязательно делать так точно по нему. Каждый может приложить свою выдумку, найти свои, более удобные для семьи варианты. Например, на этом рисунке полочка для книг служит одновременно и лесенкой для того, кто спит наверху. А можно сделать лесенку у изголовья верхней кровати, чтобы она одновременно была и ночным столиком.

Последите за собой, пожалуйста

● Кожа за зиму несколько увядает, теряет свежесть и эластичности. Полезно во время мытья тела намализованной жесткой щеткой и принимать попеременно горячий и холодный душ. Это улучшает кровообращение, устраняет бедность.

● Освежить кожу тела помогают и теплые (35—37°) солевые ванны (полтора килограмма соли на полную ванну). Попробуйте в течение двух-трех недель принимать их регулярно, хотя бы через день, по 10 минут, но не перед самым сном, потому что они немного возбуждают.

● Раньше считали, что сухой коже необходим жирный крем. Сейчас специалисты утверждают, что не меньше она

нуждается и в воде. Полезны для сухой, увядающей кожи увлажняющие компрессы из настоя сухой ромашки или липового цвета (столовая ложка на стакан). Вымойте лицо, слегка смажьте кремом и наложите на 2—3 минуты чуть теплый компресс. Учтите: эта процедура противопоказана тем, у кого расширены кровеносные сосуды лица.

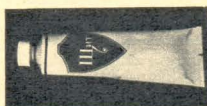
● Настой ромашки помогает очистить кожу. Положите ложку ромашки в миску, залейте кипятком и, накрыв голову полотенцем, подержите лицо над паром минут пять. Поры откроются, и вы легко удалите ватным тампоном все угри и черные точки. Потом ополосните лицо холодной водой и смажьте кремом.

● Чем больше работает ваши руки, тем тщательнее нужно за ними ухаживать. Мойте их не слишком холодной водой, с жирным (лучше «Детским») мылом. Очень полезно растирать их при этом щеткой. Чтобы руки стали более, попробуйте делать чуть теплые ванночки с бурой или уксусом. Хорошо помогает и старинное домашнее средство: добавление в воду сырого молока или лимонного сока. Кстати, помните: каждый раз, прежде чем выростить выжатый лимон, обязательно потрите им руки.

● У вас обветренные губы? Лечить их можно так: намажьте медом, а минут через 20 слизните его. Вечером, почистив зубы, вымойте зубную щетку и помасируйте ею губы и десны.

«Щит» от солнца

Одни стремятся загореть, другие прячутся от солнца, воюют с веснушками и пигментными пятнами. К тому же не секрет, что солнечные лучи ускоряют процесс увядания кожи. Как же быть, если целый день приходится работать на солнцепеке? Для защиты от загара и профилактики солнечных ожогов московская парфюмерная фабрика «Свобода» выпустила новый крем «Щит», в составе которого есть средство, обладающее способностью задерживать ультрафиолетовые лучи. Крем наносит тонким слоем на очищенную кожу. Если вы остаетесь на солнце больше 3—4 часов, придется делать это дважды в день.

«Артен» в рюкзаке

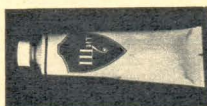
Отправляя сына или дочку в пионерский лагерь, мама не забудет положить в рюкзак мыло, пасту, зубную щетку. Пригодится и лосон, отпугивающий комаров, и средство от солнечных ожогов. Все эти необходимые мелочи собраны в красиво оформленном детском гигиеническом наборе «Артек», который начала выпускать московская фабрика «Рассвет».

Т. РОДНИКОВА

НОВИНКИ

Клубника против морщин

Свежий сок клубники очень полезен для кожи — в нем много витамина С, глюкозы, органических кислот. Краснодарская парфюмерная фабрика выпустила новый питательный крем для сухой кожи «Клубничный». В составе его 5 процентов натурального ягодного сока, а также спермацет, косточковое масло, масло-какао и другие полезные вещества, обладающие способностью быстро проникать в клетки кожи и сохранять ее эластичность.

КОСТЯ — ФРАНТ

Сейчас Костя одет в легкий летний костюм: майна с эмблемой и штанишки из яркого сатина. Штанишки, к концам которой пришиты полоски ткани, продернута в пояс и застегивается спереди.

А что Костя надеден осенью, зимой?

1. Осенью ему удобно будет бегать в куртке на ватине (вместо ватина можно использовать старую вязаную кофту), шерстяных рейтузах и резиновых сапожках. Куртка (с напознано) получится особенно нарядной, если прострочить ее цветными нитками и сделать подкладку из набивного яркого сатина.

2. Зимнее двубортное пальто на подкладке из натурального (из старой мамкиной шубы) или искусственного меха. Вязаный шлем, свитер, варежки, теплые брюки, валенки — и никакая мороз Косте не страшен.

3. «Рабочий» костюм для дома: клетчатая хлопчатобумажная рубашка и простроченный цветными нитками комбинезон, сшитый из любой простой ткани — диагонали, репса, рогожки, льна.

4. Летний костюм спортивного типа: яркий свитер (или рубашка) с эмблемой и брюки, сшитые из льна с лавсаном, вельвета, шерсти.

5. Нарядный летний костюм: белая (в горошек, в полоску, в клеточку) рубашка, черные брюки — короткие или длинные, это уж зависит от Юстинного желания, и яркий жилет с золотыми пуговицами. Вместо жилета можно повязать шейный платок.

6. А вот другой «нарядный» костюм, подходящий для любого времени года: клетчатые брюки, белая рубашка и куртка из красной или ярко-синей шерсти, отделанная цветной тесьмой и золотыми пуговицами. На груди — эмблема, подходящая по тону к тесьме.

7. Летом нарядно выглядят белые хлопчатобумажные брюки и рубашка из цветной ткани с белой отделкой.

8. На каждый день больше подойдут темные штанишки из льна с лавсаном на пристегивающихся бретелях и легкая рубашечка с короткими рукавами.

Модели и рисунки Н. ГОЛИНКОИ.

В приложении вы найдете выкройку в натуральную величину без припусков на швы костюма для мальчика 5—6 лет (30-й размер). Меняя ткань, отделку, длину рукава, некоторые детали, вы можете сшить по одной основе несколько непохожих друг на друга, удобных и практичных курточек, рубашек и штанишек. Мы даем два варианта куртки с разными воротниками и карманами.

На первой странице обложки: Пионерка.

На четвертой странице обложки: На концерте.

Фото Н. МАТОРИНА.

К этому номеру дается бесплатное приложение: выкройка костюма для мальчика 6 и старше — детские вещи.

Адрес редакций:

МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — Д 0-11-72; международной жизни — Д 0-12-30; литературы и искусства — Д 0-12-30; семьи и быта — Д 0-11-93; науки и антирелигиозной пропаганды — Д 3-30-76; художественного оформления — Д 3-34-79; писем — Д 0-57-38; массовой работы — Д 0-44-80; зав. редакцией — Д 3-30-05.

Оформление художника Я. МИРОШНИЧЕНКО.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора).

Технический редактор Т. ЖУРАВЛЕВА.

А 00081. Сдано в набор 29/III—16/IV-68 г. Подписано в печ. 26/IV-68 г. Тираж 10 000 000 экз. Формат бумаги 60×92½. Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. (1-ый завод: 1—9 500 000 экз.) Изд. № 838. Заказ № 784.

